Мы помним, мы гордимся!

Сборник эссе к 66-летию Великой Победы.

Великий Новгород
2011

Новгородский государственный университет
имени Ярослава Мудрого
Политехнический институт

Новгородская областная федерация профсоюзов

Комитет культуры и молодежной политики
Администрации Великого Новгорода

Мы помним, мы гордимся!

Великий Новгород
2011

Содержание

10 Мы помним, мы гордимся
А. Ф. Булгакова

14 Юность, опаленная войной...
А. Ф. Булгакова

18 Мы воевали достойно!
А. Ф. Булгакова

25 Мы и отступали, и погибали, но мы победили
А. Ф. Булгакова

30 Маленькие эпизоды большой войны
П. М. Куцеволов

38 Когда заканчиваются войны?
А. Ф. Булгакова

45 Первым делом — самолеты
Андрей Сарин, Сергей Власов

50 Эх, дороги, пыль да туман...
Павел Григорьев

52 Но разведка доложила точно...
Антон Антонов

55 Чтобы помнили внуки
Ульяна Апостолова

58 Они встретились на войне
Сергей Бугров

60 Война прошла по судьбе
Роман Орлов

62 Помнить, не забывать...
Павел Якимович

64 Броня крепка и танки наши быстры
Даниил Плюта, Иосиф Нозадзе

67 Повзрослевшие до поры
Даниил Дмитриев

76 Как хотелось бы,чтобы он был рядом...
Константин Епифанов

80 На исходе войны
Алексей Иваровский, Иван Волков

82 Память сердца
Марьяна Кушманова

84 Война — работа тяжелая
Игорь Шуляков, Александр Муравьев

88 Живая история
Виктор Карпушкин

91 Хранитель памяти
Полина Смирнова

95 Босоногое военное детство
Артем Гаврилов

104 Возвращенный из небытия
Е. Б. Анфимова

110 Всем смертям назло...
Александр Баталов, Павел Ершов, Андрей Богданов

113 Мы не подведем!
Владимир Чежегов

116 Женское лицо войны
Сергей Фатеев

122 Ей часто вспоминается война
Евгений Давыдов, Виктория Бедрина

124 Фото, письмо и похоронка
Наталья Баскакова

126 Воевать и работать для Родины
Дарья Семенова

129 Мы всю Европу по-пластунски прошагали...
Сергей Фатеев, Андрей Голубков

133 Родом из войны
Алексей Щербаков

136 Наши девочки платьица белые раздарили сестренкам своим...
Вероника Терещенко

139 Помнить, чтобы не повторить
Наталья Баскакова

140 И шли на подвиг партизаны
Анастасия Казенина

143 Они подняли город из руин
Марина Шарыпина

145 Знать и помнить
Дмитрий Литягин, Орбит Оганесян

151 Держались до конца
Татьяна Сидоркина, Мария Бабайцева

158 Небо? Самолеты? Ждут вас!
Наталья Баскакова

160 Безопасность страны в надежных руках
Дмитрий Литягин

161 Новгородцам есть чем гордиться
Валентина Полозова

162 Мы все должны об этом помнить
Евгения Белоусова

166 Мечты
В. Н. Емельянов

Вам, живым и павшим героям Великой Отечественной войны, посвящается этот сборник

Впечатавшись в память столетья,
Как будто в бессрочный запас,
Все чаще уходят в бессмертье,
Все меньше живут среди нас.

В. Виноградский (1984)

Эту небольшую книжку написали преподаватели, сотрудники и студенты Политехнического института Новгородского государственного университета имени Ярослава Мудрого — машиностроители, строители, архитекторы, дизайнеры, автомобилисты, теплоэнергетики.

Взяться за перо этих, далеких от литературного творчества, людей вдохновили большая любовь к Родине и безграничное уважение к людям, которые выстояли и победили в годы тяжелых испытаний.

В книжке собраны записанные студентами воспоминания ветеранов Великой Отечественной войны, блокадников и тех, кто восстанавливал разрушенные города.

В. Р. Вебер
Ректор Новгородского государственного университета имени Ярослава Мудрого

Подвиг старших поколений — нравственный ориентир для современной молодежи

В преддверии празднования 66-летия Победы в Великой Отечественной войне мы наблюдаем рождение доброй традиции.

Второй год подряд в Новгородском государственном университете имени Ярослава Мудрого издается сборник эссе студентов, преподавателей и сотрудников Политехнического института НовГУ.

С каждым годом все дальше и дальше от нас великая дата — 9 мая 1945 года, и все важнее сохранять и передавать память о славном подвиге героев Великой Отечественной войны, тружеников тыла.

Авторы сборника рассказывают о ветеранах, делятся воспоминаниями о своих дедах и прадедах, осмысливают те трагические и великие события. В их рассказах вновь оживают героизм, мужество и отвага людей, защищавших нашу Родину.

Подвиг старших поколений — нравственный ориентир для современной молодежи.

А. А. Черезов
Председатель Новгородского областного комитета ветеранов войны и военной службы

Правда о той тяжелой войне, о героическом и очень трудном времени

Чем дальше уходят от нас грозные годы Великой Отечественной войны, тем отчетливее мы сознаем величие подвига, который совершили наш народ и его Вооруженные Силы. Вот уже 66 лет отделяют нас от этого светлого для всех нас Праздника Великой Победы. С каждым годом участников тех героических сражений, которые проливали кровь ради Победы, становится все меньше и меньше.

Наша задача сохранить память о них, их традиции, учиться у них патриотизму и несгибаемой воле, верности долгу и беззаветному служению своей Родине.

Большое спасибо студентам Политехнического института НовГУ, которые сделали достоянием для нас, сегодняшних читателей, живую правду о наших живущих ныне фронтовиках, которые были непосредственными участниками тех грозных дней для страны.

Авторы сборника донесли до нас правду о той тяжелой войне, о героическом и очень трудном времени, которое пришлось пережить и испытать старшим поколениям.

Спасибо создателю этой книги, Алле Филипповне Булгаковой, за ее огромный труд и душевные силы, которые она вложила в эту книгу о славной летописи нашей великой Родины.

В. Г. Федосов
Председатель Новгородской областной федерации профсоюзов

Узнать о стойкости и мужестве воинов, массовом героизме в тылу и на фронте

В настоящее время государство, общественные организации уделяют огромное внимание воспитанию молодого поколения в духе патриотизма, любви к своему Отечеству.

Общение с ветеранами, семейные реликвии позволяют молодежи узнать о стойкости и мужестве воинов, массовом героизме в тылу и на фронте.

Областная федерация профсоюзов через молодежные организации на предприятиях и в учреждениях, в том числе и через Совет по воспитательной работе и молодежной политике Политехнического института, стремится сохранить связь поколений, укрепить традиции патриотического воспитания.

Сейчас Победа — наша память. Пусть книга «Мы помним, мы гордимся!» даст возможность почтить память павших и наградить живущих с нами ветеранов своим теплом и вниманием.

Отдел по делам молодежи, Администрация Великого Новгорода

В годы Великой Отечественной войны жители Великого Новгорода, его защитники и освободители проявили массовый героизм, что послужило одним из оснований присвоения Великому Новгороду почетного звания «Город Воинской славы». Молодежь Великого Новгорода чтит и гордится этим высоким званием, сохраняет в памяти и передает последующим поколениям знания о подвигах своих бабушек и дедушек.

Отдел по делам молодежи комитета культуры и молодежной политики совместно с другими представителями структурных подразделений Администрации Великого Новгорода, государственными, муниципальными и автономными учреждениями молодежной политики, культуры, образования, спорта, общественными организациями и средствами массовой информации реализует муниципальную целевую программу «Патриотическое воспитание населения Великого Новгорода» на 2011-2014 годы. В программе особое внимание уделяется изданию информационных материалов по вопросам патриотического воспитания детей и молодежи, проведению мероприятий и акций, посвященных памятным датам и дням воинской славы России, молодежным проектам патриотической направленности.

Второй год преподавателями и студентами Политехнического института НовГУ имени Ярослава Мудрого ведется кропотливая работа по сохранению в памяти потомков трагических и героических событий периода Великой Отечественной войны.

Спасибо всем организаторам сборника за любовь и заботу, проявляемую к живущим рядом с нами ветеранам. В этом отношении книга «Мы помним, мы гордимся» имеет огромное значение. Она позволяет прикоснуться к реальным воспоминаниям живых свидетелей истории Великой Отечественной войны. С вашей помощью связь между поколениями растет и развивается.

А. Ф. Булгакова
Зав. механико-энергетическим отделением ИПТ

Мы помним, мы гордимся

Бои за Синявинские высоты стали одной из самых трагических страниц битвы за Ленинград.

Попытки прорвать блокаду Ленинграда в ходе Синявинских наступательных операций 1941-1942 гг. успеха не имели. Даже после прорыва блокады в январе 1943 года Синявинские высоты — возвышенности до 50 м над уровнем моря в южном Приладожье — остались за врагом. Это позволяло ему обстреливать железнодорожную линию, связавшую в феврале 1943 года Ленинград со страной.

Активные боевые действия на Мгинско-Синявинском направлении возобновились летом 1943 года; до самого января 1944 года продолжались бои и погибали люди. На Синявинских высотах и окружающих их болотах осталось лежать не по одному личному составу воинских частей и подразделений Волховского и Ленинградского фронтов.

Мой дядя, Василий Васильевич Мельниченко, погиб 28-го июля 1943 года у деревни Вороново Мгинского района Ленинградской области. В годы войны деревня была полностью уничтожена. На ее месте остались зримые следы тяжелейших сражений: окопы и глубокие воронки от снарядов, которые не смогло стереть время.

Я дитя послевоенное, и о боевом пути своего дяди знаю, к сожалению, очень мало. Знаю, что был он веселым, симпатичным парнем, с копной густых, очень светлых волос. На фронт попал с первых дней войны. Писем домой не писал: в оккупированный Кривой Рог, где остались мама и пятеро младших братьев и сестер, письма дойти не могли.

Похоронен дядя Вася вместе с пятью тысячами бойцов в братской могиле у станции Назия под Ленинградом. Имя лейтенанта

Василия Васильевича Мельниченко выбито на одной из мраморных плит мемориала.

На митинг по случаю юбилея Великой Победы собрались родственники погибших защитников Ленинграда со всех концов бывшего Советского Союза. У обелиска я познакомилась с Любовью Федоровной Седачевой, которая вместе с внучкой ежегодно посещает это братское захоронение. Здесь покоится тело ее старшего брата Анатолия Федоровича Шарова.

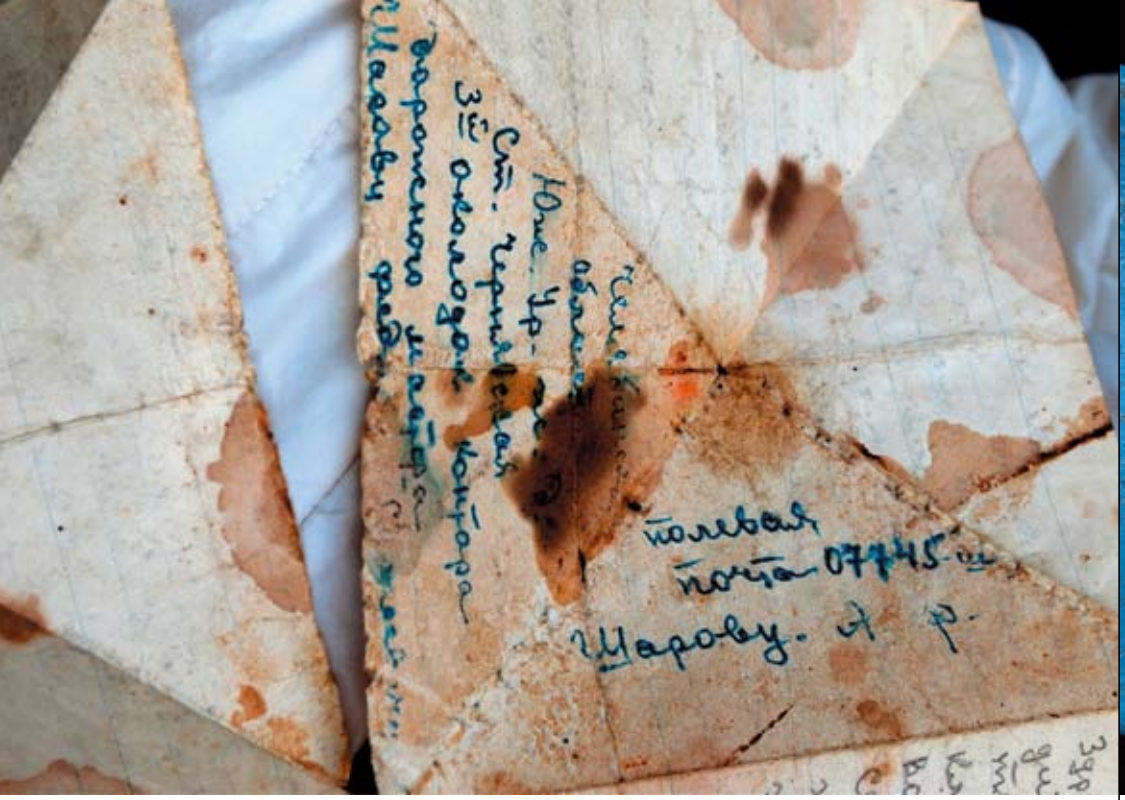
Василий Мельниченко и Анатолий Шаров воспитывались в одной стране, обоим было по 20 лет, оба сражались за Ленинград в одних и тех же окопах и прошли через страшные испытания.

Возможно, они встречались, были знакомы и даже дружили. Василий погиб 28 июля, Анатолий через 5 дней — 2 августа. За день до гибели Анатолий написал свое последнее письмо родным в Челябинск. Письмо, судя по бурым пятнам крови, возможно, было отправлено однополчанами уже после смерти бойца.

Судьбы этих двух парней были очень похожи. Многое они могли понимать и чувствовать одинаково. Поэтому меня так заинтересовало письмо Анатолия. Любовь Федоровна любезно позволила сфотографировать и опубликовать последнее фронтовое письмо своего брата.

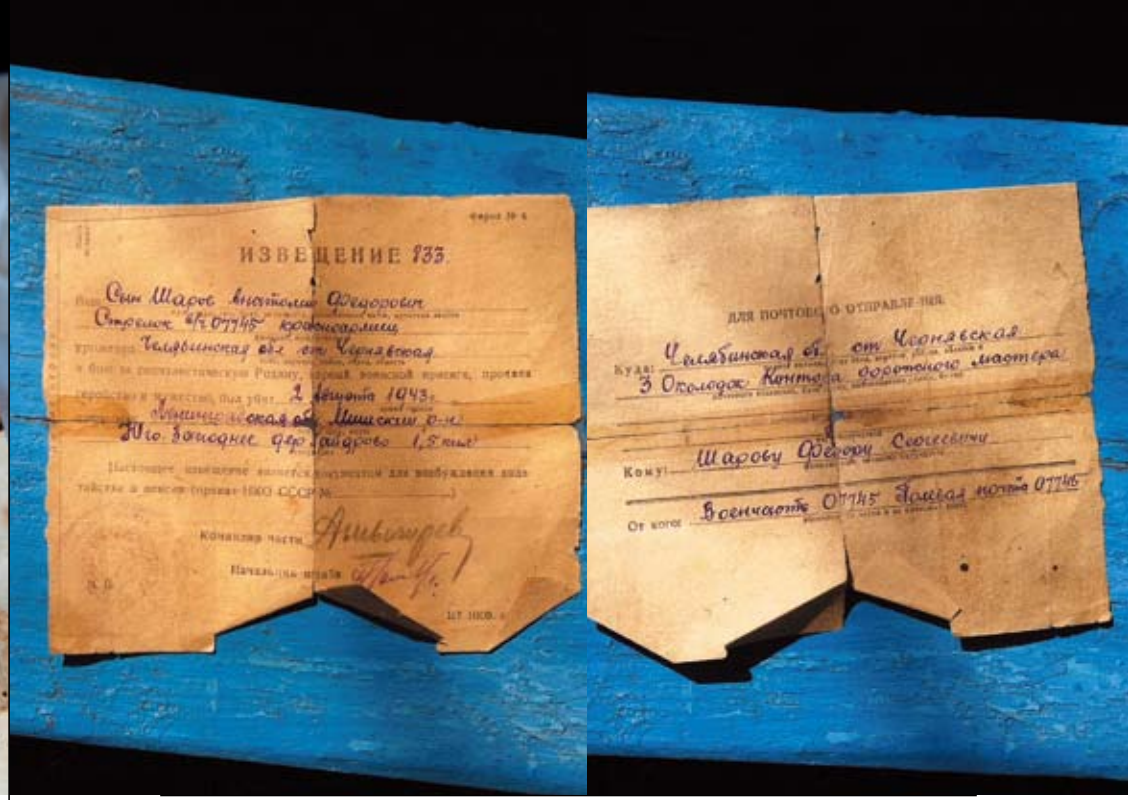
Здравствуйте, дорогие мои родители папа, мама, а также дорогие сестры Мая, Клара и Любочка и брат Гера. Во первых строках своего письма сообщаю вам, что я жив, здоров, чего и вам желаю. Долго ждал, но дождался от вас два письма, от папы и от Маи, за которые сердечно благодарю и желаю всего наилучшего в вашей жизни.

В письмах вы спрашиваете, почему я не пишу о себе, да и писать нечего, известная жизнь солдата, в настоящее время пишу письмо прямо из окопа. А папа сам должен знать, какая жизнь солдата в окопе, потому что сам все испытал. Но за мою судьбу прошу вас, дорогие родите-



ли, не беспокоиться. Иду в наступление на проклятого, вшивого фрица уже четвертый раз и пока что еще ничего. Может, бог даст и все пройдет благополучно. И опять заживем по-старому, ну, а если я погибну, то смертью храбрых за освобождение Отечества от фашистского зверья. Писать больше нечего, спасибо вам большое за то, что вы написали мне сразу два письма. Я себя чувствую счастливым, что я за шесть с лишним месяцев, не получая писем, сейчас получил сразу два. Но об одном прошу маму не беспокоиться обо мне, а беспокоиться об остальных детях, об их воспитании. Вот все, что я могу вам написать о себе. Еще могу написать о погоде, что в настоящее время хорошая, дождей нет, а это самое главное в окопной жизни. Пока у меня все, писать больше нечего.

Передаю всем по горячему поцелую и по горячему красноармейскому привету. Обращаюсь опять к маме, чтобы она за мою жизнь не беспокоилась, и вы, дети, слушайте маму и не расстраивайте ее. За тем остаюсь ваш сын



Анатолий. Передавайте всем друзьям и знакомым по привету.

Ваш сын Анатолий. Целую вас по 10000.000 раз.
31 июля 1943 г.

После прочтения такого письма хочется одного: чтобы мы не забывали, какое счастье жить без войны, чтобы помнили о тех, кто падал под пулями, отдавая за Родину, за нас с вами свою жизнь.

Нынешний юбилей, пожалуй, ценнее всего тем, что рядом с нами еще живут ветераны, те самые — прошедшие, отстоявшие и победившие! Хочется сказать им: «Спасибо!» Спасибо за то, что не жалели себя на полях сражений и работали без отдыха на заводах. Спасибо за то, что нашли в себе силы победить, восстановить страну, отказывая себе во всем, чтобы мы жили и были счастливы.

Мы не в силах остановить время, но мы можем и должны сохранить память.

А. Ф. Булгакова
Зав. механико-энергетическим отделением ИПТ

Юность, опаленная войной…

31-го мая 2010 года участнику Великой Отечественной войны Василию Порфирьевичу Кудряшову присвоено звание «Почетный гражданин Великого Новгорода».

Своими воспоминаниями о войне и нелегком послевоенном времени ветеран поделился с первокурсниками Политехнического института.

21-го июня 1941 года в ленинградской школе № 52 состоялся выпускной вечер. Выпускники собрались на набережной Невы у памятника Петру Первому. Пели, танцевали, веселились, строили планы на будущее. А утром узнали — началась война.

Василий Порфирьевич Кудряшов

Через 10 дней Василий Кудряшов был призван в ряды Красной Армии. После ускоренного курса обучения в Саратовском танковом училище 1-го ноября 1942 года получил звание лейтенанта танковых войск, и в должности командира взвода был направлен под Сталинград. Свой первый бой провел за освобождение города Калач.

«Калач, — вспоминает Кудряшов, — стал первым освобожденным городом в ходе Сталинградской битвы. За проведенный бой я награжден медалью «За боевые заслуги» — самой дорогой для меня, первой, наградой».

После великой битвы на Волге немцы, надеясь вернуть утраченную инициативу, приступили к подготовке нового наступления — под Белгородом и Курском. По масштабам, ожесточенности и последствиям танковое сражение под Прохоровкой не имело себе равных в ходе всей мировой войны. Сегодня Прохоровка вошла в историю как третье ратное поле России, после Куликова поля (1380 г.) и Бородинского поля (1812 г.)

В. П. Кудряшов
Первый секретарь Ленинского райкома ВЛКСМ г. Ленинграда

«Сражение длилось 12 часов. Ржаное поле совхоза «Комсомолец» было перемолото, перепахано с обеих сторон гусеницами танков. От грохота, разрывов авиабомб и снарядов давило перепонки, из ушей текла кровь. Танки шли на танки. Сильнейший удар потряс мой танк. Немецкий снаряд попал под башню. Меня оглушило и ослепило. Осколок снаряда попал в правый висок. Правая сторона лица сразу онемела. В бессознательном состоянии меня вытащили товарищи из горящей машины через десантный люк на днище танка. В сознание пришел через 6 часов в медсанбате.

До сих пор стоит перед глазами страшная картина. В подбитом танке — пламя, в тесной кабине — раненый боец. Он самостоятельно не может выбраться из тан-

ка. Смотрит вверх, взывает о помощи, а помощи нет… И он сгорает заживо. Для меня это до сих пор страшная душевная боль.»

После великой битвы на Волге немцы, надеясь вернуть утраченную инициативу, приступили к подготовке нового наступления — под Белгородом и Курском. По масштабам, ожесточенности и последствиям танковое сражение под Прохоровкой не имело себе равных в ходе всей мировой войны. Сегодня Прохоровка вошла в историю как третье ратное поле России, после Куликова поля (1380 г.) и Бородинского поля (1812 г.)

В октябре 1943 г. шли тяжелые бои за украинский город Кривой Рог. С нашей стороны не было артподготовки, подготовительные операции не велись. Улицы города узкие, неудобные для маневра. Немцы располагали большими силами. Засели на чердаках, на крышах, в подвалах домов. Рота Кудряшова впервые увидела огнеметы. Несмотря на жестокое сопротивление, рота потеряла все 10 танков и 36 человек личного состава из 40. В этом бою Василий Порфирьевич получил второе тяжелое ранение — в правое плечо с переломом ключицы. В течение шести дней с неимоверными усилиями оставшиеся в живых бойцы выбирались из окружения. А в части их считали погибшими и уже заготовили похоронки. К счастью, страшная весть не дошла до родных Василия: мама и сестра были в эвакуации.

«И о сотой доле того, что довелось испытать, пережить, — вспоминает ветеран, — не расскажешь. Каждый день — преодоление, крайнее эмоциональное и физическое напряжение. Нам было не до романтических приключений. После многокилометровых танковых маршей желание только одно: чуть-чуть отдохнуть, в бане помыться и еще вдоволь воды напиться».

За три с половиной года на Степном, 2-ом Украинском и 3-ем Белорусском фронтах Кудряшов участвовал во множестве танковых боев. И ни один нельзя назвать легким. Не счесть числа смертельных атак, количества вражеских танков, пушек, автомобилей, живой силы, уничтоженных его бойцами.

8 июля 1944 года — самый памятный день для Василия Кудряшова, последний бой с его участием. Под Вильнюсом взводу было поручено произвести разведку боем перед наступлением наших войск. Это значило: пройти перед противником, вызвать огонь на себя, засечь вражеские огневые точки, минные поля, определить конфигурацию оборонной линии противника, глубину и скорость течения реки, крутизну ее берегов. Бой продолжался почти два часа. Задание было выполнено. И тут одна бомба угодила в танк Кудряшова. Он получил третье ранение — в левую ногу, потерял стопу.

Шесть месяцев пролежал в госпитале. И в 21 год стал инвалидом! Душевное состояние было тяжелым. Перспективы дальнейшей жизни — туманные. С тяжелыми увечьями, без профессии — как жить дальше? Но в госпитале работали удивительные люди — чуткие, внимательные, немало повидавшие за военные годы. Они сделали очень многое, чтобы Василий обрел уверенность в себе.

А еще в госпитале была богатая библиотека, много прекрасных книг. Юноша пристрастился к чтению, увлекся трудами древнегреческих философов. Книги, написанные тысячи лет назад, помогли обрести душевный покой.

5 апреля 1945 года Кудряшов вернулся в Ленинград. Учился, работал, а в 1954 году был направлен на партийную работу в Новгород. Долгие годы работал на ответственных постах по восстановлению разрушенного войной хозяйства.

За свои ратные и трудовые подвиги В. П. Кудряшов награжден двумя орденами Отечественной войны I степени, орденом Красной Звезды, орденом Трудового Красного Знамени, двумя орденами Знак Почета и еще тридцатью медалями.

Новгородцы хорошо знают этого красивого, интеллигентного человека с добрым лицом и тихим голосом. Обращаясь к студентам в заключение беседы, Василий Порфирьевич выказал уверенность, что героические страницы Великой Отечественной войны не забудутся, и призвал изучать историю своей страны, чтить память тех, кто разбил фашизм и поднял из руин наши города.

А. Ф. Булгакова
Зав. механико-энергетическим отделением ИПТ

Мы воевали достойно!

Состоялась встреча студентов архитектурно-дизайнерского и механико-энергетического отделений Политехнического института с ветераном Великой Отечественной войны Александром Петровичем Поповым.

Его боевой путь начался в декабре 1942 года после окончания Пушкинского танкового училища. Северный Кавказ, Тамань, Керчь.... За освобождение Севастополя и Крыма 85-му отдельному танковому полку, где он воевал, было присвоено почетное наименование «Севастопольский». А Александр Попов стал «Почетным гражданином Севастополя». Потом были ожесточенные бои за освобождение Польши, участие в Восточно-Померанской операции. Войну Александр Петрович закончил в Берлине 2-го мая 1945 г.

Открыто и честно рассказывал ветеран о фронтовых буднях:

«Это была тяжелая работа. Дым, копоть, пыль, взрывы снарядов — ко всему этому привыкаешь. Я был дважды ранен. Первый раз на Кавказе в станице Крымская перебило правую ногу. В мой танк попало сразу 5 снарядов. Механику отрубило 3 пальца, радисту оторвало руку. Заряжающий остался целым и смог вытащить меня из горящей машины».

Второй раз ранило в грудь под Керчью. Но это на фронте обычное дело. Редко кому удавалось пройти войну и остаться невредимым. Когда танки переправлялись на пароме с одного берега на другой, внезапно налетели вражеские самолеты и из пулеметов расстреляли полк сверху.

«На фронте, — вспоминает Александр Петрович, — все подразделения, экипажи танков были интернациональными. И никакой национальной розни! Представители всех национальностей Советского Союза воевали достойно!

Александр Петрович Попов

На войне свою задачу знаешь, но как сложится обстановка в бою, наперед угадать трудно. И уже действуешь по обстановке. Многое зависит от слаженной работы экипажа: от механика, наводчика, заряжающего и, конечно, от командира. Командир на поле боя должен видеть все.

Наш отдельный танковый полк — НПП (непосредственная поддержка пехоты). А у пехоты большая проблема — «танковая» боязнь. В самом деле, нелегко, когда на тебя идет 50, а то и 100 танков, да еще и в две-три волны. Стреляют из пушек и пулеметов, глушат лязгом гусениц. Люди не выдерживают, начинают метаться или отступать. И это очень опасно. Если даже один солдат запаниковал, весь взвод теряет боеспособность».

С паникой боролись так: в тылу рыли траншеи, туда отправляли солдат, и на них посылали танки. И показывали, объясняли, что танк солдату в траншее не опасен.

«Историю своей страны, — говорит Александр Петрович, — нужно знать, хорошая она или плохая, удобная или неудобная. Ибо больше она не повторится. И какой бы она ни была, ее нельзя искажать. Вот сейчас можно слышать, что «мы воевали неправильно». Хочется спросить: «А ты ТАМ был?» Это надо прочувствовать

каждой клеточкой своего тела, а уже потом делать выводы. А почему же тогда, если мы воевали неправильно, советский солдат оказался в Берлине? Потому что плохо воевал? Или у него были бездарные командиры? Да, были неудачи, серьезные ошибки, но мы выстояли, мы победили! И этой победы у нас не отнять никаким фальсификаторам! Мы, ветераны, гордимся своей армией, ее боевыми заслугами».

До войны много внимания уделялось патриотическому воспитанию молодежи. В школах работали кружки: «Ворошиловский стрелок», «Парашютное дело», «Санитарная подготовка», «Противохимическая подготовка». Работала сеть аэроклубов, школьники сдавали нормы на значок ГТО. Всемерно воспитывались любовь к Родине и уважение к ее Вооруженным Силам. Не служить в армии считалось большим позором, а уж уклонение от воинской службы, вообще, было делом неслыханным. Мальчики 17-18 лет с нетерпением ждали призыва и серьезно

к нему готовились. И если кого-то по разным причинам признавали негодным к военной службе, это воспринималось, как личная трагедия. Ибо долг мужчины, воина — это защита своего дома, который называется Родиной.

А. П. Попов уволился из армии в 1968 году с должности командира полка и с тех пор живет в Великом Новгороде. Награжден орденом Боевого Красного Знамени, орденом Александра Невского (в Новгороде живут всего 3 кавалера этого почетного ордена), орденом Красной Звезды, двумя орденами Отечественной войны I степени, многими медалями.

На вопрос аудитории «Какая награда самая памятная, самая дорогая?» А. П. Попов ответил:

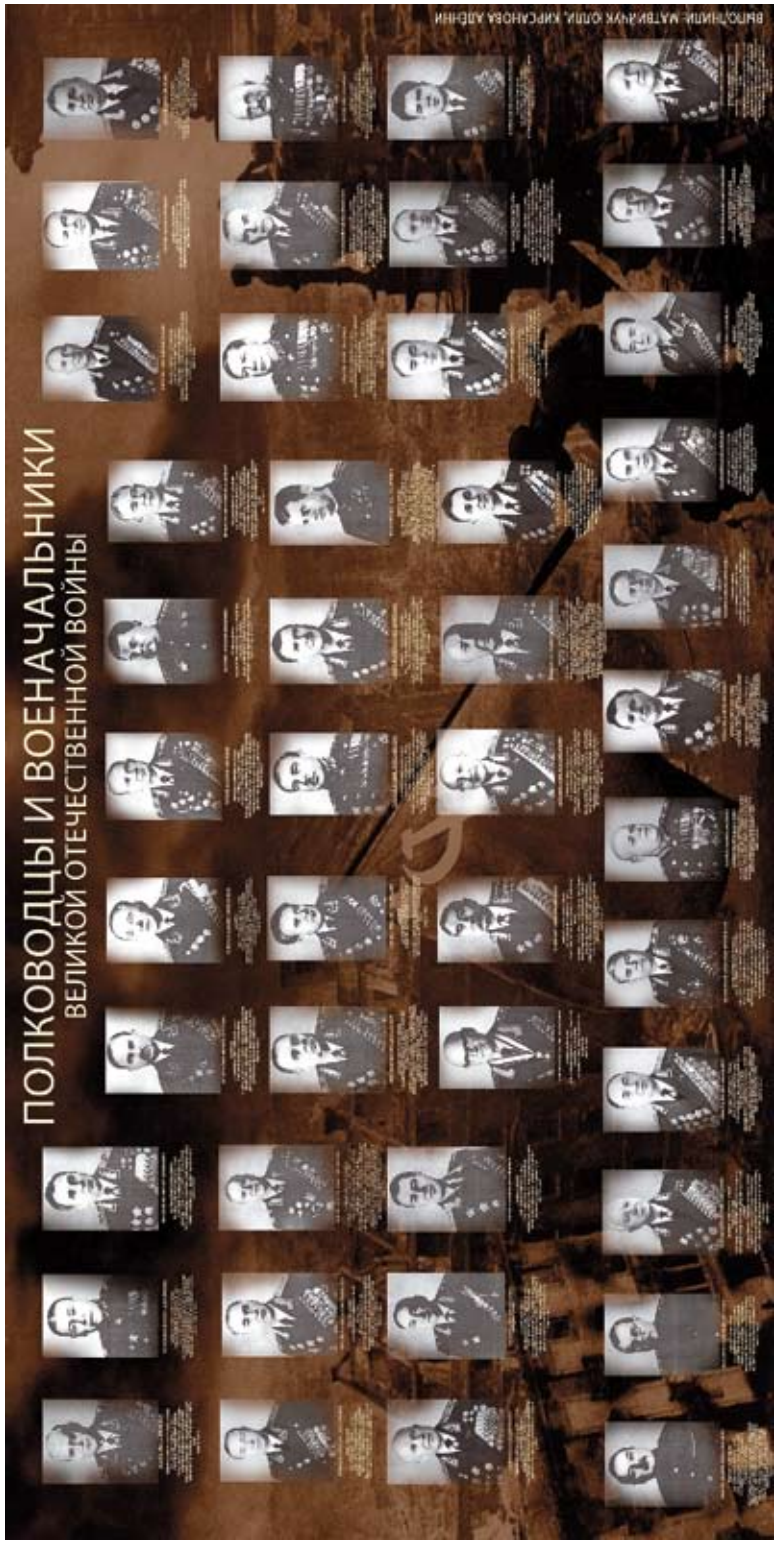
«Они все одинаково дороги. Каждый орден имеет свой статус. Например, орденом Александра Невского награждается не каждый, только командир роты и выше. Орден Боевого Красного Знамени я получил за станицу Крымская. Свой второй орден получил за Керчь, орден Красной Звезды — за Варшаву, орден Александра Невского — за Берлин».

Несмотря на возраст (88 лет), Александр Петрович ведет активную жизнь. Общается с фронтовыми друзьями (увы, их осталось очень мало), участвует в общественно-политической жизни города, был в Москве в составе официальной делегации на торжественной церемонии вручения грамоты о присвоении Великому Новгороду почетного звания «Город воинской славы». Часто и охотно встречается с молодежью, которая, к сожалению, мало знает о подвиге своих предков.

Интересный, умный рассказчик, человек с молодыми глазами, хорошей, живой речью, отменным чувством юмора, оптимист и жизнелюб, он может часами рассказывать о своем боевом прошлом, о друзьях-однополчанах.

А поскольку на войне, как и в мирное время, люди тоже дружили, ссорились, влюблялись, попадали в нелепые ситуации, то в воспоминаниях ветерана рассказы о тяжелых испытаниях перемежаются веселыми историями, которых тоже было немало.

Стенгазета «Патриот»



Матвийчук Юлия, гр. 6371 *Кирсанова Алена, гр.6371*

На прощание гость и хозяева обменялись добрыми пожеланиями и подарками. Ветеран подарил студентам комплект портретов «Полководцы и военачальники Великой Отечественной войны». Скоро в Политехническом институте появится новый стенд.

А. Ф. Булгакова
Зав. механико-энергетическим отделением ИПТ

Мы и отступали, и погибали, но мы победили

В ноябре 2010 года состоялась встреча студентов механико-энергетического отделения Политехнического института с ветераном Великой Отечественной войны Павлом Михайловичем Куцеволовым.

Молодым людям было интересно и важно увидеть человека исключительного, прошедшего войну с первого до последнего дня и встретившего Победу в деревушке Айзендорф на юге Германии, получить живое общение с участником тех страшных событий.

Его воспоминания для юных современников — возможность прикоснуться к самой впечатляющей странице российской истории, понять, как тяжело далась наша нынешняя свобода.

Павел Куцеволов начал войну в 1941 году 19-летним выпускником Таганрогского медицинского техникума. Был призван на Юго-Западный фронт санинструктором отдельной роты автоматчиков. Вскоре стал фельдшером.

После ранения и четырехмесячного лечения в госпитале был направлен на Ленинградский фронт. Вынес с поля боя не одну сотню бойцов, оказал им первую медицинскую помощь в тяжелых фронтовых условиях. Награжден тремя орденами Красной Звезды, орденом Отечественной войны 1-ой степени, многими медалями. А в мирное время в 1952 году поступил в Военно-медицинскую академию, после окончания которой был направлен в войска. Работал военврачом на Карельском перешейке, в Новгороде был заместителем начальника военного госпиталя по лечебной части. В разных должностях прослужил до 1971 г.

Павел Михайлович, талантливый рассказчик, человек с огромным жизненным опытом, в свои 88 лет сохранил живой интерес к людям, любознательность, чувство юмора. Он поделился со студентами своими мыслями об истории, о суровом военном времени, о тех драматических ситуациях, в которых оказывались бойцы, о задачах, которые ему приходилось решать на фронте.

«В 1942 году, — вспоминает ветеран, — немцы собрали на юго-западе, в районе Харькова, большие силы. Наше командование не совсем точно определило направление главного удара. Сталин считал, что немцы опять попытаются взять Москву. А они нанесли удар по югу. Наших войск там было меньше, и мы вынуждены были отойти: часть — к Сталинграду, а часть — на Северо-Кавказ. На Кавказе врага остановили, до гор он не дошел. Если бы мы отдали Владикавказ, то была бы открыта дорога в Грузию. Моя судьба на Кавказе была связана со 2-ой гвардейской дивизией, она сейчас находится под Москвой.

Особенно тяжелыми были бои при освобождении Таманского полуострова. За Кавказ и Крым немцы сражались упорно. Рядом со мной воевали прекрасные люди. Был в нашей дивизии эстонец — Иосиф Лаар. Тяжело раненный в живот, он прижал рукой кишки, дошел до огневой точки и лег на вражеский пулемет. Ему было присвоено звание Героя Советского Союза посмертно. На фронте у меня были друзья всех национальностей: эстонцы, латыши, казахи, грузины, армяне. Война была всенародная, на защиту страны встали все, кто мог держать оружие».

Задача фельдшера была — своевременно выносить раненых с поля боя и оказывать им в бою медицинскую помощь.

«Помню, — продолжает ветеран, — шли тяжелые бои на Кубани. Несколько дней подряд моросил дождь, воды было чуть не до колен. В таких условиях помогать раненым очень трудно. Мы делали все, что могли. Делали всякие настилы, выносили раненых на руках. За этот бой меня наградили орденом Красной Звезды. Это для меня стало полной неожиданностью. Я всего лишь делал то, что должен.

В 1943 году наша авиация уже господствовала над немцами. Мы наблюдали многие воздушные бои, видели, как падают самолеты. Было очень обидно, когда погибали наши летчики. Это по-настоящему героические люди. Раненным на земле можно было помочь. А как поможешь в воздушном бою? Где упадет летчик? На своей территории или на вражеской?

В последнее время появилось много статей, где описывают историю войны, делая упор больше на наши ошибки, ругают наше командование, обвиняют фронтовиков в том, что они слишком много говорят о победе, забывая о просчетах. Но нам самим нужна правда! Если пишут правдиво, правильно описывают то, что было, на что же тут обижаться? Конечно, мы несли очень большие потери, особенно в начале войны, когда мы были слабее немцев. На них работали все заводы Европы. У нас не было столько танков, самолетов, другой техники. Это восполнил героизм советских людей. Мы и отступали, и погибали, но мы победили! На Победу работала вся страна. У станков стояли женщины, подростки. Нас на фронте неплохо кормили, а в это самое время миллионы ленинградцев умирали от голода».

Войну Павел Михайлович закончил в Германии, но в Берлине не был. Первый Украинский фронт был чуть южнее. После капитуляции Германии все стремились в Берлин, но машины выделялись только офицерам. Город превратился в груду развалин, проехать по улицам можно было с трудом.

Очень больно, когда погибают однополчане, друзья, но самое страшное, когда погибают родные и близкие люди. Куцеволов потерял на фронте двух старших братьев, четырех двоюродных братьев, пережила оккупацию младшая сестра. Сам Павел Михайлович был дважды ранен. Но ему посчастливилось выжить.

«Одним из самых запомнившихся, — рассказывает фронтовик, — был бой в Донбассе. Получилось так. Наш батальон продвинулся вперед, а соседние отстали. И мы оказались вроде как в подкове. Немцы простреливают нас со всех сторон, даже сзади. Наша рота начала отступать — кто из-за ранения, а кто по слабости. А у меня скопились раненые, и я никуда не могу их отправить, не могу бросить. Я должен быть с ними до конца, что бы там ни было. Но тут командир батальона, мой первый боевой командир, которого я никогда не забуду, поднял всех: санитаров, связистов, легкораненых и организовал оборону. У меня руки по локоть в крови — где ты их вымоешь? И мы задержали немцев дотемна. А когда стемнело, все «ходячие» пошли в тыл, а остальных вывезли на санях. У меня на душе стало так легко, будто родился заново. А вообще таких памятных дней было много, можно перечислять бесконечно.

Для страны война шла 4 года, а для батальона, для полка случались передышки, когда нас отводили на 10-12 км. Уже можно снять сапоги, помыться, поменять белье, выспаться. А бывало, для формирования отводили нас еще дальше. Десять километров — ерунда, это и снаряд артиллерийский достанет. А если километров на 50-60, то ты считаешь себя уже почти что на воле. Там уже настоящий отдых. И дружба, и даже любовь. Многие женились на фронте и после войны домой вернулись с молодыми женами».

Сам Павел Михайлович женился уже после войны. Любовь Петровна училась с ним в одном техникуме, была на курс младше. В 18 лет девушка оказалась в оккупации и пережила много горя. Обоих родителей-коммунистов расстреляли в гестапо, и она осталась с младшим братишкой, но и его угнали в Германию, когда ему было всего 16. Оттуда брат не вернулся. Говорят, погиб при бомбежке. Столько лет прошло, а она часто вспоминает войну и плачет.

П. М. Куцеволов — давний друг Политехнического института, и мы этой дружбой очень гордимся.

Куцеволовы вместе 62 года. В жизни бывало всякое. Но самое главное в семье, считает ветеран, — это верность. А еще — правильный выбор невесты.

«Мне 88 лет, — говорит Павел Михайлович, — но я счастлив, что могу встретиться с молодежью, со студентами. Смысл жизни — это познание. Если человек не стремится к знаниям, то у него нет цели, нет в жизни смысла. Будете больше знать, будет легче работать, сумеете избежать многих ошибок. Не жалейте для этого сил. Кем бы ты ни был — инженером, бухгалтером, слесарем, главное, чтобы ты был настоящим профессионалом, отлично знал свое дело».

У Куцеволова много увлечений. Он любит ходить по музеям. В какие бы города его ни забрасывала жизнь, он первым делом посещает все музеи. Свои впечатления описал в 32-х тетрадях. Студентам посоветовал, пока молоды, побывать везде, где только можно.

А еще Павел Михайлович любит рыбалку, особенно зимнюю. Правда, в последние годы ездить на озеро стало трудно. Пишет воспоминания, изредка встречается с однополчанами, которых, к сожалению, становится все меньше.

Павел Михайлович Куцеволов

Почему я написал об этом бое? Он для меня был очень тяжелым и во многом поучительным

Маленькие эпизоды большой войны

СИБИРЯКИ

В феврале 1942 года в наш стрелковый батальон прибыло пополнение из Сибири. Одеты красноармейцы были в полушубки, ватные брюки, валенки и одинаковые новые шапки. С обветренными лицами, в строю, они выглядели, как единый монолит.

Хотя линия фронта проходила в Донбассе, морозы в суровую зиму 1941-42 годов были и там довольно крепкими. 23 февраля, меняя участок действий, наш полк совершал 30-километровый марш. Запомнилось, что это было трудно. В эти дни неожиданно наступила оттепель. На дороге — смесь воды со снегом, что было не для армейских валенок без галош. Меня, как фельдшера

батальона, это очень волновало (разумеется, не только меня): не избежать простудных заболеваний.

К вечеру заняли оборону по кромке широкого пологого оврага. Как и требуется на войне, сразу начали окапываться. К ночи оттепель снова сменилась морозом. Со страхом думаю: «Будут обморожения». Пошел по ротам. Непосредственного столкновения с немцами пока не было. Солдаты рыли окопы, а на скате оврага, где снега больше, делали укрытия с узкими лазами. Курили махорку, гудел говор, слышались шутки.

Пробыли здесь, в снежных укрытиях, без вступления в бой около двух суток. К моему радостному удивлению, не было ни простуженных, ни обмороженных. Такова приспособляемость и выносливость людей Сибири!

Нас бросили на взятие деревни Звоповки. Она была очень длинная, тянулась вдоль маленькой речушки. Вначале все шло хорошо, а потом немцам удалось закрепиться почти на самом краю. Три дня жили с ними в одной деревне. Взаимно атаковали и контратаковали. Средняя часть деревни переходила то к нам, то к немцам. Случалось, что у стены одного дома рядом лежали убитые фашисты и наши. К концу третьих суток выгнали мы их, и наша дивизия заняла большое село Кировск. Нашему полку дали сутки отдыха. Выспались, обсушились, помылись.

Потом было много боев и пополнений, но сибиряки очень запомнились. И когда сейчас слышу что-либо о сибиряках, перед моими глазами встают именно те сибиряки, которых узнал в сорок втором: коренастые, крепкие физически, трудолюбивые. Очень добродушные, смекалистые в бою и фронтовом быту, честные, с высокой степенью товарищеской взаимовыручки.

КОЛЯ

При освобождении Кубани осенью 1943 года я был ранен у станции Старотитаровская. Поэтапно эвакуирован в полевой госпиталь, располагавшийся в станице Варениковская. На площади

развернуты большие палатки: приемно-сортировочная, перевязочная. А раненые размещались по домам жителей.

Дом — палата. Няня — хозяйка дома. Нас в доме было четверо. Самым молодым был младший лейтенант Коля. Ему всего 18 лет. Ранен в грудь. Сухощавый, русый, красивое юношеское лицо. Бледен. Часто кашлял, придерживая рукой место ранения. Он рассказал:

«Призвали на службу и направили в военное училище. После шестимесячной учебы присвоили звание младшего лейтенанта. Прибыл в полк накануне наступления и был назначен командиром стрелкового взвода. Днем на передовую не доберешься. Только с наступлением сумерек проводили в первую траншею.

«Вот твой взвод — одиннадцать человек» (вместо 25-30 по штату). Познакомились, как могли, в потемках. Задача: завтра утром наступление. После артиллерийской подготовки по сигналу условной ракеты — атака. Все так и было. Но только выскочил за бруствер и крикнул: «За мной, ура!..», как ощутил пронзительную боль в груди, внезапное бессилие... И вот, я здесь».

В его рассказе было место, особенно волновавшее не только его, но и всех нас. Несколько раз Коля повторял: «Только вскочил!» И даже наедине, лежа на койке, ни к кому не обращаясь, все удивлялся: «Только вскочил!»

Вот такая судьба. 18 лет родители растили его и радовались, и воспитали в нем мужчину, который готов был, как всякий воин, выполнить свой ратный долг. Хотя бы завершить атаку и вскочить в окопы противника! Казалось, что Николая волновал не сам факт ранения, а его мгновенность, резкий обрыв.

Дней десять мы были вместе. Потом нас эвакуировали во фронтовой тыл по разным госпиталям.

Не знаю, жив ли он сейчас, но в моей памяти, обычно обостряющейся в майские дни, Коля остался скромным, искренним,

по-английски честным, смекалистым российским пареньком времен минувшей войны.

РАНЕННОГО ВОИНА НАДО СПАСТИ

Тогда я служил в 535-м стрелковом полку в должности командира взвода санитаров-носильщиков. Был конец марта 1943 года. Наши войска теснили фашистов с Кубани. Уже подходили к станции Крымской.

Запомнилось, что 31 марта медработников полка собрал старший врач майор м/с Иван Иванович Дубогай и всем нам поставил конкретную задачу. Полк должен был сосредоточиться на западной опушке болотистого леса северо-восточнее станицы Крымская, овладеть железнодорожной насыпью и мостом, затем развивать наступление дальше.

Мне же было приказано организовать передовой полковой медпункт в районе сосредоточения батальонов и с фельдшерами батальонов обеспечить оказание помощи раненым, а также их вынос до поста санитарного транспорта. В моем распоряжении было 3 санинструктора и 14 санитаров.

ПМП оставался в населенном пункте (кажется, станица Мингрельская) восточнее лесисто-болотистого массива. Ближние хутора были частично разбиты и не годились для ПМП. А там, где и были домики, располагались тылы других частей. Лес в восточно-западном направлении непроходим. В глубине его трясина, болото. Вокруг по опушке почва просохла, и можно было проехать повозками, но только до определенного места. От него до места расположения батальонов была тропа. Поэтому было решено в конце проезжей части организовать пост санитарного транспорта, где я оставил одного санинструктора с задачей оказывать необходимую помощь прибывшим из ПМП и регулировать очередность погрузки на повозки.

Прибыв на исходный рубеж, убедился, что окопаться практически невозможно. Хотя сверху и подсохло, но, стоит снять слой земли в 20-25 см, как появляется вода. Для защиты раненых

от поражения пулями и осколками сделали защиту над землей. Выбрали площадку примерно 4 × 4 метра, обнесли ее плетнем с трех сторон и снаружи обложили землей. Внутри сделали настил из прутьев и старой болотной травы. От батальонных медпунктов на деревьях сделали насечки с надписью-указкой. Для ориентировки в ночное время условились пользоваться телефонными проводами, протянутыми от батальонов до КП полка (он находился в метрах 50-60 от нас).

Для оказания помощи раненым в медпункте имелись бинты, вата, индивидуальные пакеты, шины, в основном, фанерные и сетчатые. Из медикаментов — йод, спирт, марганцовокислый калий, морфий, камфара, сода, медный купорос и некоторые другие. Запаслись носилками. Считал, что мы готовы к приему раненых. Погода хорошая, настроение приподнятое.

Но как-то незаметно, постепенно небо заволокло тучами, и вскоре пошел дождь. Не очень сильный, но без перерыва. Как говорят, обложной. Продолжался он дня три или четыре и стал, пожалуй, главной причиной всех трудностей этого боя.

Утром началось наступление. Авиация не могла нас поддержать из-за низкой облачности и тумана. Артиллеристам было трудно, а, может, и невозможно по той же причине корректировать огонь батарей, находящихся сзади за лесом. Да и по ряду других причин, анализировать которые не берусь, полк успеха развить не смог. Бой есть — продвижения нет, медицинской службе сложно выполнять свою задачу.

В результате непрекращающегося дождя на поверхность стала выступать вода. Некоторые бойцы были совсем близко к железнодорожному полотну, и там были раненые. Ротные и батальонные санинструкторы подбирали под огнем тяжелораненых, оттаскивали в закрытое место, оказывали помощь, доставляли до ПМП. А оттуда уже носили санитары моего взвода. Кто мог, шел сам.

О расстоянии сейчас достоверно вспомнить трудно, но оно было небольшим, до поста санитарного транспорта километра полтора-два. Путь везде был исключительно тяжелым: вода, грязь, то кочки, то впадины. Однако бойцы, которым было по-

ручено переносить раненых, мужественно и терпеливо делали свое дело.

Помощь оказывали непосредственно я и два санинструктора. Заключалась она в простейшей очистке раны, смазывании вокруг раны йодом, наложении повязок, шин, обезболивании. Поступивших со жгутами отправляли в первую очередь. Самым лучшим, к слову, считаю резиновый жгут. Бывшие тогда на снабжении матерчатые — неудобны и ненадежны; лучше уж хорошо наложенная закрутка.

С самого начала поступления раненых стало очевидным, что надо их чем-то обогревать. На каждом одежда промокла. И хотя было начало апреля и район Кубани, но промокшим раненым было холодно. Переодеть во что-то сухое не было возможности (ни средств, ни условий). Да и лишняя травма, и задержка с эвакуацией вряд ли были оправданы. У нас были хлеб, сахар и немного водки. Одному из санитаров я поручил готовить в котелках чай. Сухостоя достаточно. Для костра сделано было возвышение из земли, для котелков — треноги из рогаток. Воду ходили брать на опушку к речке. Хотя вода и соединилась с той, что выступила из земли, но все же была почище. Туман, пасмурность и дождь позволяли развести огонь без опасений себя обнаружить.

В целом помощь тогда складывалась из следующего:
1. Оказания медицинской помощи
2. Временного отдыха на более или менее сухой подстилке
3. Обогрева чаем с хлебом, сахаром и некоторым количеством водки

Перекладывание раненого на сухое место тоже требовало организации. Вся земля мокрая. В шалаше укладывали только наиболее тяжелых, и там же находилось наше рабочее место. Крыша из соединенных плащ-палаток пропускала воду. Мы делали рядом подстилы из жердей. Их потом приходилось приподнимать, так как вода подходила под них.

Вначале санитары носить тяжелораненых успевали. На каждого раненого выделялось по два носильщика. А потом люди

устали, тропа стала значительно хуже, сухих мест, чтобы поставить носилки для отдыха, становилось все меньше, потребовалось выделять до 4-х человек на каждого раненого, эвакуация стала задерживаться. Начальника штаба полка подполковника Сапожникова я все время держал в курсе дел. Да он и сам все видел, так как находился близко. Мне были выделены еще носильщики из тех, кто приносил сюда патроны и мины. Потребовалось больше носилок. Их не оказалось. Пришлось делать носилки из двух кольев и плащ-палатки самого раненого.

Тогда я еще раз убедился, что санитаром на переднем крае не может быть человек с физическими недостатками или морально недобросовестный. Раненым и мне в том бою в определенной степени повезло. Основу взвода составляли молодые североосетинцы. Эти сыны Северной Осетии проявили себя исключительно добросовестными, трудолюбивыми, смекалистыми людьми. Они и сейчас у меня перед глазами: Джанаев, Моргаев, Сикаев, Сизоев, Гогоев.

Особой неутомимостью отличался Батербек Джанаев. Усталости не знал, к людям был доброжелателен, с ранеными заботлив, как женщина. Шутки и юмор сопутствовали ему в жизни. Потом он стал санинструктором батальона

Таким же был алтаец Петя Шаповалов. Сильный, добродушный, смелый. Я его знал с 1941 года. Многих раненых он вытащил буквально из-под вражеского огня. Оба они погибли в августе 1943 года за Крымской, на «Голубой линии».

О физической и психологической выносливости сказал потому, что далеко не все одинаково перенесли ту большую физическую нагрузку в воде, под дождем, без отдыха и почти без сна несколько дней. К концу третьих суток у некоторых появились отеки на ногах и руках. Они выходили из строя.

И среди личного состава полка тоже появились больные, а именно: с отеками конечностей и даже легких. Это установили уже на ПМП. А ко мне их приносили (некоторые сами добирались) с жалобами на сильную одышку, слабость. Они были бледными,

с каким-то серым оттенком, одутловаты. Я не понимал сути их состояния, отправлял на ПМП, предварительно введя камфару и обогрев, чем мог. Знаю, что у них был установлен отек легких. Больных отправляли в МСБ.

Кажется, на 4-й день полк получил приказ передислоцироваться влево. Раненых к тому времени поступало все меньше. Их с собой забирали уходящие батальоны. Мне было приказано остаться до утра с санинструктором и тремя санитарами, «прочесать» опушку леса, проверить, не осталось ли где раненых, и потом соединиться с полком.

Утром установили, что оставленных раненых не было, стали собирать имущество. И тут заметили, что вода стала заметно прибывать (потом одни говорили, что немцы разрыли дамбу, другие — что просто речка вышла из берегов), поверхность сплошь покрылась водой. Ступишь — то до колен, а то и значительно

Экскурсия «И крепость снова стала боевой»

выше, кругом туман, видимость 50-60 м. Всякое отклонение от маршрута грозило опасностью: влево — попадешь в трясину, вправо — попадешь к немцам. Добрую службу оказал компас: мы благополучно вышли в расположение полка. Но до ПМП не добрались. Нашли свободный хлев и на теплом навозе отлично проспали до следующего утра.

Почему я написал об этом бое? Он для меня был очень тяжелым и во многом поучительным: подготовил к дальнейшим боям.

P.S. Я сделал эти записи 6 декабря 1985 года, после того, как прочитал книгу А. А. Гречко, командовавшего в то время 56-й армией. На стр. 363 своей книги он пишет об этом же бое. Мне приятно сознавать, что мои сведения подтверждены в его книге.

А. Ф.Булгакова
Зав. механико-энергетическим отделением ИПТ

Когда заканчиваются войны?

Для Василия Петровича Михеева, полковника КГБ в отставке, Почетного чекиста, лауреата Форума «Общественное признание», война длилась более тридцати лет после ее окончания. Об этом и шла речь на встрече ветерана Великой Отечественной войны со студентами Политехнического института.

Вместе с 4-ой танковой армией Василий Михеев прошел долгий фронтовой путь от Курской дуги до Праги. Участвовал во многих кровопролитных боях, освобождал узников Бухенвальда, встречался на Эльбе с союзниками. Награжденный многими боевыми орденами и медалями мотоциклист-разведчик 2-ой мотоциклетной роты после Великой Победы начал новую наступательную операцию по розыску и привлечению к ответственности государственных преступников, которые в годы войны уничтожили тысячи безвинных людей, сожгли на Новгородчине сотни деревень.

Тридцать лет Василий Петрович занимался розыском бывших эсэсовцев, карателей, изменников Родины, замаскировавшихся под чужими именами в разных концах света: в Западной Германии, в США, во Франции, в Аргентине. Таких разоблаченных карателей на его счету 123.

В годы войны только на Новгородчине действовала целая сеть карательных команд: 667-й карательный батальон «Шелонь», волотовская полиция, отличавшаяся особыми зверствами, и другие.

Многим нацистским преступникам удалось бежать на Запад, где они порой даже благоденствовали. Так, генерал Хойзингер, имевший непосредственное отношение к разработке карательных экспедиций, оказался на руководящих постах НАТО. А обер-лейтенант Эрвин Шюле, лично участвовавший в расстрелах, казнях и избиениях жителей Чудовского района, по злой иронии судьбы в 1958 году возглавлял Центральное ведомство ФРГ по расследованию нацистских преступлений. В результате ряда официальных оперативных мероприятий оба преступника лишились своих постов.

Наиболее многоэтапной, сложной и растянувшейся во времени была операция по розыску преступников из 667-го карательного батальона «Шелонь». Зимой 1942 года каратели «Шелони» согнали на лед реки Полисть и расстреляли 253 жителя

Василий Петрович Михеев

деревень Бычково и Починок Поддорского района. Расправа над мирными жителями была беспримерна по своей жестокости. Деревни были обстреляны из минометов, а затем каратели стали бросать в людей гранаты. Оставшихся в живых детей, женщин и стариков расстреливали из пулеметов почти в упор. И все же некоторые после этой бойни сумели выжить. Они ползли по окровавленному льду и уцелели, чтобы рассказать о том, что случилось в то страшное Крещение — 19 января 1942 года.

«Расследовать это преступление приходилось с необыкновенной скрупулезностью, — вспоминает Михеев. — Мы искали документы о 667-м батальоне в наших архивах и даже архивах за рубежом. Тщательно просмотрели 40 уголовных дел на ранее судимых карателей. Преступники старались держаться подальше от родных мест, а еще дальше — от мест, где совершали массовые убийства. По тому делу мы допросили более ста человек, составляли карты-схемы мест расстрелов, проводили эксгумации и экспертизы. В ходе этого расследования я впервые убедился, насколько наглы и циничны были эти люди, если их, конечно, можно назвать людьми. Нашим сотрудникам едва удавалось сдерживаться от гнева, когда преступники приезжали на допросы в военной форме с советскими орденами и медалями. Среди них был и Павел Алексашкин...»

Бывший старший лейтенант Красной Армии Алексашкин сдался в плен в 1941 году и добровольно поступил на службу в карательный батальон «Шелонь». Был приближенным руководителя

батальона и главного организатора преступлений А. Рисса, получал от немцев награды. Затем был осужден, но, отбыв минимальный срок, поселился в Сибири, а затем — в городке Петушки. Как свидетель Алексашкин был вызван в Новгород.

«Мы были в шоке, — вспоминает Василий Петрович. — Подумали даже, что кого-то не того по ошибке вызвали на допрос. Перед нами предстал человек в военной форме, но только без погон. На его мундир было прикручено несколько линий орденских планок, на другой стороне — значки с символикой Великой Отечественной войны. Мы стали уточнять.... Нет, это тот самый каратель Алексашкин. Чтобы вытянуть из него показания, пришлось даже вывозить его на места расстрелов, иначе он от всего отказывался. А еще больше ошеломил ответ ярославских коллег на наш запрос. Они сообщили, что Алексашкин, оказывается, числился участником ВОВ, через военкоматы получал награды, посещал школы, училища и вузы, где рассказывал молодежи о своих «героических» делах. Местная власть выдала ему льготную ссуду на строительство дома, обеспечила стройматериалами. Ему даже сделали индивидуальное уличное освещение. В общем, жил Паша в Петушках припеваючи. Только после нашего вмешательства его лишили всех наград и разъяснили жителям города, кто он есть такой на самом деле...»

Одним из самых необычных розысков, до мельчайших подробностей запомнившихся Михееву, был розыск Михаила Иванова, уроженца Старорусского района, работавшего до войны надзирателем в Боровичской колонии.

«Он был призван в армию в начале войны, — рассказывает Михеев, — но попал в окружение, откуда бежал в родную деревню. Там немцы назначили его волостным урядником, потом перевели в поселок Волот полицаем. В конце войны Иванов был переведен в карательный батальон. После Победы, скрываясь от ответственности за свои злодеяния, он постоянно менял биографические данные, жил по временным документам и мотался из одного конца Союза в другой. Найти его было непросто...»

Василию Петровичу пришлось шаг за шагом отслеживать всю жизнь Иванова.

> *«Оказавшись среди репатриантов, он со своей подругой Софьей Стасевич поселился в Минской области, — рассказывает Михеев. — Уже в 1946 году он совершает убийство, но при этапировании в тюрьму конвоиры «прозевали» его, и Мишка совершил побег. Его объявили во всесоюзный розыск. Под чужими именами колесил по стране. Настигли «путешественника» только в 1959 году. При задержании он возмущался, кричал, что, мол, ошиблись. Но я ему показал фотографию, на которой он снят в немецкой форме, и ... посадили-таки его на 15 лет».*

После войны многие каратели батальона «Шелонь» сумели скрыть свою причастность к расстрелам и были осуждены только за пособничество. Некоторых привлекали к ответу спустя десятилетия. Так, разысканный в Ленинградской области каратель Е. Вечер был приговорен к высшей мере наказания в 1983 году. Только по «Шелони» новгородским чекистам удалось выявить более ста человек, а всего к уголовной ответственности было привлечено 840 карателей, предателей и изменников Родины, установлены за рубежом 1119 государственных преступников.

Но бывало и по-другому. Иногда чекистам удавалось выявить неизвестные до того факты мужества и героизма советских патриотов, а иногда и возвратить кому-то доброе имя. Так советскую разведчицу Валентину Олешко оклеветали и подозревали в измене Родине. После изучения и анализа массы документов, показаний свидетелей и допросов арестованных германских агентов было установлено, что эта мужественная девушка предпочла смерть работе на немецкую разведку. Были также дополнительно установлены обстоятельства трагической гибели члена военного совета 2-й Ударной армии И. В. Зуева, преданы гласности героическая работа и обстоятельства провала Волотовской подпольной организации под руководством П. А. Васькина. Накануне 20-летия Победы по инициативе Управления КГБ участники подполья были посмертно награждены правительственными наградами.

Сейчас В. П. Михееву уже немало лет, но профессиональная память четко хранит все эпизоды его розыскной контрразведывательной деятельности. Он помнит не только имена и фамилии военных преступников, но и названия деревень, городов и районов, где они скрывались от возмездия, имена их родственников и даже их вымышленные имена.

Вопросы студентов были самыми разными: «Не было ли обидно, когда найденный в результате 15-летних поисков преступник уходил от ответственности за рубежом?», «Отчего люди предавали — от слабости или же от цинизма и врожденных садистских наклонностей?», «Чем сейчас занимаются органы безопасности?» Ни один не остался без ответа.

Яркий, мужественный человек, В. П. Михеев и сейчас в строю: руководит ветеранской организацией ФСБ по Новгородской области, занимается восстановлением чекистского музея, встречается с однополчанами и молодежью, пишет книги, принимает участие в создании документальных фильмов.

Это живой пример того, как можно на долгие годы сохранить ясный ум, красоту, психическое и нравственное здоровье. Надо с юности развивать в себе интеллект. А главные качества настоящего мужчины — это преданность долгу и патриотизм.

Андрей Сарин
Сергей Власов
гр. 9041

Как непростительно мало мы знаем о героической истории нашей страны!

Андрей Сарин и А. Н. Абрамов

Первым делом — самолеты

Александр Николаевич Абрамов, уроженец деревни Мысловичи Валдайского района, начал самостоятельную жизнь в 16 лет. Техникум, армия, досрочный набор в авиационную школу, закончив которую, стал механиком. В числе шести человек был направлен в 31-й полк в Смоленске. Полк готовили для отправки за границу.

Там Александра Николаевича в 1941 г. и застала война. С первых дней полк отступал с боями под непрерывными бомбежками, но, как вспоминает ветеран, хороший командир организовал грамотное рассредоточение самолетов, иначе, и без того большие потери были бы гораздо больше.

Самым сложным было форсирование Риги. Мост был разбит. Переправляли сначала раненых, затем штаб, потом уже всех

Сергей Власов

остальных. Отступали до Старой Руссы. В полку оставалось только 16 самолетов из 66. И уже в Старой Руссе, сразу же после прилета и заправки самолетов, даже эти последние самолеты были уничтожены, разбомблены в результате немецкого налета, ни одного не осталось. Помощи ждать было неоткуда.

Это случилось 17 июля. А потом пришла шифровка с приказом о передислокации в Москву. Объявили общий сбор личного состава, но из пяти эскадрилий собрали только две. Три эскадрильи — и люди, и техника — были уничтожены. Вот такие были потери...

Оставшихся в живых отправили в Москву в академию Жуковского, добирались, кто как мог. На второй день перебазировали в Монино, там они пробыли полтора месяца. Получив новые самолеты, новую материальную часть, отправились под Ленинград. Целых три года жили в землянках, окопах, а там сыро, внизу вода. Механиком работать было очень трудно, особенно зимой. Чинить самолеты нужно было голыми руками, варежками ничего не возьмешь, руки прилипали к металлу, а надо было круглые сутки быть в боевой готовности. Под Ленинградом пробыли до 1944 года.

Участвовали в освобождении Тихвина. Полк получил знамя и звание гвардейского, а бойцы — медали за оборону Ленинграда.Длительное время держали оборону: ближние бомбардировщики разбивали идущие немецкие пополнения, железные дороги, вели разведку. Конечно, потери были, и очень значительные.

Поступило пополнение, из двух эскадрилий сделали три. 14 января 1944 года перед полком была поставлена задача — освободить Новгород, и 20 января город был освобожден, а полк стал именоваться Новгородским. Участвовали в освобождении Новгородской области, прорыве блокады Ленинграда. Потом форсировали реку Великая. Взяли Псков. Несколько месяцев на аэродроме Городец готовились к дальнейшему наступлению на Ригу. Полку была поставлена боевая задача — разрушить мост. Тренировались на специально выстроенном макете моста, чтобы выбрать правильное направление полета и не слепило солнце.

Александр Николаевич Абрамов

После взятия Риги Северо-Западный фронт расформировали, полк перевели на Белорусский фронт. Прошли с боями Белоруссию, Германию, затем вернулись в Черняховск в Восточной Пруссии, где немцы еще какое-то время не сдавались, нужно было воевать.

В Калининграде до сих пор расположен 4-й Новгородский авиационный полк, там же находится его знамя. После войны ветераны несколько раз побывали в Калининграде. Но в последние годы уже не встречаются, потому что их осталось очень мало. Некоторые живут за границей — в Прибалтике, Грузии, Украине, Армении (из-за этого потеряны связи). Многие ушли из жизни.

Как вспоминает Александр Николаевич, служба, была тяжелой: из-за больших потерь и нехватки специалистов. Иногда прибывали с пополнением артиллеристы, пехотинцы и не выдерживали, возвращались в свои части. Коллектив был хороший, дружный, сплоченный. Нарушений дисциплины почти не было. Полк, в основном, состоял из русских солдат, но также были белорусы, украинцы, грузины, армяне. Очень хорошие ребята.

Самые боевые — грузины, после русских самые веселые и геройские товарищи.

С волнением до сих вспоминает ветеран своих командиров — командира эскадрильи Трубицина и командира полка майора Добыша. Оба прошли испанскую и финскую войны. Трубицин был из Белоруссии, погиб в 1944 году при освобождении Новгорода, его самолет сбили немецкие истребители.

Командир полка Добыш остался жив, после войны закончил академию, стал генерал-майором, а затем генерал-полковником, впоследствии командовал войсками ПВО (второе кольцо обороны Москвы).

Победу Александр Николаевич Абрамов встретил в Черняховске, где еще шли бои с несдавшейся группировкой немцев. После демобилизации приехал в Новгород, и был направлен Новгородским райкомом партии в Валдай. Работал в леспромхозе начальником отдела кадров, потом — начальником производства, затем — в аппарате леспромхоза.

В 1966 году из-за болезни ног Александр Николаевич переехал в Новгород, где проработал 25 лет на мебельном комбинате.

Вырастил дочку; дочка и ее муж — учителя. Два внука окончили университет, работают на государственной службе, есть правнуки.

После встречи с Александром Николаевичем Абрамовым мы поняли, как непростительно мало мы знаем о героической истории нашей страны.

Победа в Великой Отечественной войне должна стать предметом национальной гордости нашего народа. Надо видеть не только доблестные операции на фронтах и мастерство наших полководцев, но и другие аспекты войны: голод, болезни, тяжелейший труд, лагеря.

Все это не только не умаляет роли нашей страны в битве с фашизмом — напротив, подчеркивает героизм и стойкость наших предков.

Павел Григорьев
гр. 0061

Будем помнить
о павших
и заботиться
о живущих

Эх, дороги, пыль да туман...

Нашу семью война не обошла стороной. В нашей памяти живут тяжелые, горькие воспоминания о ней.

Семь десятилетий отделяют нас от тех суровых дней. Хотя, если подумать, не так давно это было. Жаль, что многие уже забывают об этом...

В нашей семье бережно хранятся дорогие для нас реликвии: фотографии, письма, награды времен той страшной, жестокой войны.

Из воспоминаний моей бабушки я знаю, что мой прадед, Матвеев Ардалион Ардалионови, пропал без вести. Сохранились его фотографии и письма — треугольники с фронта. В последнем письме он написал, что находится в Ярославле. Значит, путь его шел к Сталинграду.

А вот своего другого прадеда, родного брата Ардалиона, я знал лично. Звали его Угольников Петр Матвеевич, Заслуженный юрист РФ, член КПРФ, участник Сталинградской битвы. Он родился 1 января 1920 года, в деревне Милятино Валдайского района.

Мой прадед рассказывать о войне не любил. Из его скупых рассказов я помню, что он воевал в Харькове, а с августа 1942 — в Сталинграде. Он рассказывал, как, выходя из окружения и теряя боевых товарищей, он плыл в дырявой лодке на левый берег Волги. Весел не было, грести приходилось каской. Видел в Сталинграде пленных немцев.

Угольников Петр Матвеевич

Затем была Керчь. Петр Матвеевич вспоминал, как удерживали небольшой плацдарм: кругом вода, постоянные обстрелы, питались сухарями. Так держались несколько месяцев, пока не освободили Крым. Закончил войну в Бреслау (Германия).

Шесть лет он не снимал военной формы. А когда вернулся домой, пошел работать в Старорусскую прокуратуру, заочно учился на юрфаке Ленинградского университета. А потом работал прокурором в Старорусском, Любытинском, Дрегельском, Валдайском районах.

В течение 10 лет Петр Матвеевич работал прокурором Новгородской области, затем, 15 лет, — прокурором Белгородской области. Выйдя на пенсию, вернулся в Новгород и работал в отделе реабилитации при прокуратуре.

Прадед много читал мемуаров о войне, всегда был общителен, подвижен, работал на даче, был активистом ветеранского движения в области. В составе делегации ветеранов ездил 2 февраля 2003 года в Волгоград на празднование 60-летия победы в Сталинградской битве.

В 2004 году Угольников Петр Матвеевич умер.
К сожалению, уходит поколение, вынесшее тяжелый груз войны.

Давайте будем помнить о павших и заботиться о живущих ветеранах. О тех, кто совершал ежедневный подвиг ради мира на земле, ради того, чтобы мы жили, во имя нашей Родины.

Антон Антонов и С. А. Рапопорт

Антон Антонов
гр. 7061

Спасибо вам, наши герои, низкий вам поклон!

Но разведка доложила точно...

Беседуя с участником Великой Отечественной войны Семеном Абрамовичем Рапопортом, я еще раз прочувствовал, какие тяжелые времена пришлось пережить нашим ветеранам.

Война для Семена Абрамовича, тогда еще 16-летнего подростка, началась летом 1941 года в городе Павловский Посад, в 65 км от Москвы, когда немцы начали бомбить вокзал.

Отец Семена Абрамовича попал добровольцем на фронт только с третьей попытки. Военкомат дважды отказывал ему по состоянию здоровья, а на третий раз, видимо, поняв, что он не успокоится, все-таки удовлетворил его просьбу.

К сожалению, уже через месяц пришло извещение о гибели отца.

Семена Абрамовича и весь 8 класс, в котором он учился, зимой 1941 года мобилизовали на трудовой фронт — на строительство оборонительных сооружений в городе Серпухове. 16-летние мальчишки и девчонки копали траншеи, устанавливали «ежей», в общем, делали все, чтобы задержать противника.

Вернувшись домой, он работал на фабрике, а 7 января 1943 года был призван в Красную Армию. Попал в 10-ю гвардейскую воздушно-десантную роту г. Раменска Московской области, где и началась подготовка к военным действиям. Среди молодых новобранцев были и девушки, которые так же ответственно и мужественно выполняли боевые задания.

В 1944 году на фронте Семен Абрамович командовал отделением разведки.

> *«Продвигались пешком через лес к реке Свирь, — вспоминает ветеран, — сопровождая знамя части, но попасть на левый берег реки было непросто: враг был начеку. Только после обстрела «катюшами» враг бежал, а мы смогли навести понтонный мост и пройти дальше».*

Семен Абрамович участвовал также в боях на территории Карелии. В отделении, которым он командовал, было 12 человек и все разных национальностей, ведь, говоря о Победе, надо понимать, что если бы не было доверия, сплоченности, дисциплины, достичь ее было бы намного труднее. Русские, армяне, евреи, казахи, все были друг за друга.

В одном из боев Семен Абрамович был ранен.

> *«Осколком разорвавшейся мины пробило правое бедро. Упав на землю, я увидел, как один из моих бойцов, Дубинин Владимир, по-пластунски ползет под пулями и взрывами*

ко мне. Это ли не героизм и взаимопомощь на поле боя! Наскоро перевязав, он оттащил меня в безопасное место, и уже оттуда санитары доставили меня на носилках в госпиталь. Но так как в прифронтовом госпитале операций не делали, меня направили в Лодейное Поле, и уже там хирург прооперировал, вынул осколок. Пробыв 3 месяца в госпитале, я поправился», — так вспоминает ветеран о своем боевом ранении.

После госпиталя Рапопорта направили в г. Ярославль в пулеметно-минометное училище. Он всегда хотел быть военным, служить Родине и, видимо, это и было его судьбой. Находясь в летнем боевом лагере, курсанты получили весть о Победе. Всю войну ждали этого события, но восприняли как большую неожиданность. Все были счастливы.

После окончания войны ветеран попал в свой родной город, учился в военно-инженерном училище. Но позже его переправили в Ростов-на-Дону, и уже там, в 1947 году, он закончил учебу. Семену Абрамовичу было тогда 22 года. Он закончил училище на «отлично», поэтому имел возможность выбора и уехал преподавать в Новочеркасск в школу сержантского состава.

У Рапопорта много наград. Есть медали «За отвагу», «За боевые заслуги», «За оборону Москвы», а также «За Победу над Германией», орден Отечественной войны 1-ой степени и другие.

От себя хочу добавить, что я очень горжусь тем, что мне довелось пообщаться с Семеном Абрамовичем. Я безгранично благодарен ему и всем, кто выстоял в Великой Отечественной войне и ценой чудовищных потерь добыл Победу!

Спасибо вам, наши герои, низкий вам поклон!

Ульяна Апостолова
гр. 90723у

Воспоминания, когда они пишутся непосредственными участниками событий, представляют особую ценность

Чтобы помнили внуки

Эту рукопись мне передала моя мама, Ольга Альбертовна Апостолова. Не один год работал над ней мой прадед, Евгений Павлович Сазонов.

Уроженец Владимира, рано потерявший родителей, он закончил Кремлевскую военную школу в 1934 году, получил назначение командиром взвода в 79-й стрелковый полк 27-й стрелковой дивизии.

В отпуске, перед службой в городе Суздале, Евгений Павлович нашел подругу жизни — Анастасию Ивановну Коекину — и женился. С молодой женой уехал в Белорусский военный округ в город Лепель. Стал кадровым офицером, посвятил армии четверть века своей жизни. За это время он командовал взводом, пулеметной ротой, был командиром стрелкового батальона, преподавал в Рязанском военном училище, был начальником штаба

полка и командовал стрелковым полком. В годы войны его жизнью был фронт. Принимал активное участие в защите Москвы, в прорыве блокады Ленинграда, в освобождении Латвии. В боях дважды был ранен. За боевые действия награжден орденами: «Красного знамени», «Отечественной войны 1-й степени», «Красной звезды», медалями: «За отвагу», «За боевые заслуги» и еще девятью другими.

Война застала моего прадеда в Смоленске. В ту пору он служил в стрелково-пулеметном военном училище в звании капитана. Он сразу же подал рапорт с просьбой направить его в действующую армию. Был назначен на должность начальника штаба 1209-го стрелкового полка в 363-ю стрелковую дивизию.

Прадед рассказывал, как они с комбатом и связными, укрывшись за сараем, наблюдали за наступлением наших подразделений, и вдруг в центре группы разорвалась мина, волной всех разбросало. «Поднимаясь с земли, — вспоминал Евгений Павлович, — я увидел: командир батальона сидит на снегу, кисти рук держит перед глазами.

Они у него все окровавленные, и кровь течет на снег, остальные из нашей группы лежат, и слышны стоны». Евгений Павлович срочно был отправлен в полевой госпиталь. В апреле 1942 г. его назначили командиром 1255-го стрелкового полка 379-ой стрелковой дивизии.

А дальше предстояли тяжелые бои по разгрому Ржевско-Вяземской группировки гитлеровских войск и за освобождение древнего русского города Ржева. Именно сюда моего прадеда и забросила судьба. В апреле 1942 г. 379-я стрелковая дивизия после тяжелых наступательных боев перешла к активной обороне в районе Лышево, Ванево. Полк был сильно потрепан, вместо трех стрелковых батальонов, фактически, был один и специальные подразделения полка.

Передний край обороны проходил по высотам юго-западнее деревни Черново. Боевое охранение — в 500 метрах от переднего края. Чтобы попасть в боевое охранение, нужно было преодолеть местность, лесистую по склонам и с кустарником по дну

лощины. Прозвали ее «лощина смерти», и название соответствовало действительности. В этом Евгений Павлович убедился, когда пошел знакомиться с боевым охранением. «Проходя по «лощине смерти», — рассказывал ветеран, — я увидел, что везде лежат трупы: не то наших, не то немцев. Очевидно, они там покоились с начала зимы, так как были покрыты снегом, казались продолговатыми кочками». Там, в этой лощине, мой прадед чуть не расстался с жизнью от взрыва мины, но, к счастью, ему удалось спастись!

За успешное командование полком в период активной обороны и выполнение задачи по сковыванию противника на участке фронта мой прадед получил свою первую награду — медаль «За отвагу», которую вручил ему командир дивизии, полковник В. А. Чистов. В июне 1942 года Евгению Павловичу присвоили очередное воинское звание — майор.

О боевых действиях 379-й стрелковой дивизии написана книга «Шла дивизия на запад» под редакцией бывшего начальника политотдела дивизии, полковника К. В. Иванова. Боевой путь полка — это трудный и большой путь мужества десятков тысяч преданных Отечеству людей, это рассказ о героизме всех национальностей России.

Воспоминания, когда они пишутся непосредственными участниками событий, представляют особую ценность, больше впечатляют. Свой вклад в летопись войны внес и мой прадед — Евгений Павлович Сазонов.

Сергей Бугров
гр. 9411

Надо запомнить
те уроки, которые
преподнесла Великая
Отечественная война

Они встретились на войне

Моего дедушку, сержанта Василия Степановича Иванишина, война застала в городе Риге. Оттуда он и отправился на фронт. А моей бабушке, Любови Николаевне, пришлось бросить школу и пойти работать, чтобы кормить семью.

Это было в Саратовской области. Соседка устроила ее официанткой в столовую. Там за работу давали суп и хлеб, а в 1943 году, после того, как бабушка окончила курсы и стала связисткой, она ушла на фронт.

Пока сержант зенитной батареи Василий Иванишин воевал, то наступая, то отступая вместе с советскими войсками, семнадцатилетняя связистка Люба еще и не видела, и не понимала, что же это на самом деле такое — война. Поняла это, когда попала под первую бомбежку на станции Дно. Ужас, пережитый тогда девушкой, остался самым страшным впечатлением ее жизни. Василий Степанович воевал и был уже командиром батареи, которая обстреливала как наземные укрепления врага, так и, самое главное, немецкую авиацию. Батарею не один раз сбивали фашистские самолеты.

Командир батареи и связистка — каждый своими путями, военными дорогами — дошли до Германии, где и встретились. Во время своего дежурства Люба приняла звонок: встретить нового командира батареи, а то сам по развалинам не доберется. А через час для доклада в штаб явился Василий Иванишин.

Василий Степанович и Любовь Николаевна Иванишины

Так дедушка с бабушкой и познакомились и теперь уже воевали в одной части, с которой дошли до Берлина. Там, в Германии, в разгромленном Берлине, они и справили свадьбу, на которой, по воспоминаниям дедушки и бабушки, гуляла вся часть. Это было летом 1945 года. Мои дедушка с бабушкой прожили вместе 63 года. В марте 2009 года дедушки не стало.

У Василия Степановича и Любови Николаевны много наград, которыми они всегда гордились. Они часто вспоминали события своей молодости и рассказывали нам о прошедшей Великой Отечественной войне.

Я очень горжусь своими дедушкой и бабушкой — Василием Степановичем и Любовью Николаевной Иванишиными.

Надо запомнить те уроки, которые преподнесла Великая Отечественная война, понять, что всегда можно и нужно находить компромиссы, договариваться и не допускать конфликтов. Плохой мир — лучше хорошей войны.

Роман Орлов
гр. 9061

Война прошла по судьбе

Когда началась Великая Отечественная война, Евгению Ефимовичу Журавлеву было всего 13 лет. В небольшом поселке Дедовичи Псковской области в тот день, 22 июня 1941 года, стояла отличная погода. Ветеран вспоминает:

«Было жарко, и я с друзьями с утра пошел купаться на речку, называлась она Шалун. Примерно в 12 часов дня мы все вернулись домой, и родители сказали нам: «Началась война!». Тогда я с ребятами еще не осознавал в полной мере значения этого события, но война круто изменила мою жизнь».

Недалеко от поселка был аэродром. Оттуда начали подниматься в воздух самолеты и улетать. Они направлялись навстречу немецким самолетам и вели воздушные бои. Многие не возвращались.

5 июля началась эвакуация, людей увозили в безопасные районы. У Журавлевых была большая семья: отец, мать и пятеро детей. Из животных были две лошади и корова. Дом и хозяйство пришлось бросить. Сели на лошадей и отправились в Демянский район Новгородской области, подальше от войны. И еще многие семьи были вынуждены покинуть родные с детства места. Там

Евгений Ефимович Журавлев

и остановились. Каждый день переживали, как вечность: постоянные бомбежки, воздушные бои, смерть близких. В глазах людей были печаль, страх, горечь утрат. Ведь многие из них уже в первые дни войны потеряли родных и друзей.

В конце июля семья переехала в Мошенской район. Отец там и остался, он ушел в подполье и стал партизаном. А остальные поехали в Пестово, где вся семья села на товарный поезд. 18 суток ехали на север в Кировскую область. В Опаринском районе был колхоз: «Мирный труд», где Журавлевы и остались. Работали не покладая рук. Время тянулось медленно. Люди не высыпались, уставали, голодали. Еда в тот период состояла из двух блюд: бедненького супа и каши.

Хлеба бойцам выдавали по 600 граммов, а всем остальным — по 125. В 1943 году Евгения Ефимовича направили в военный всеобуч, и там, в течение 3 месяцев, он обучался военному делу. В апреле 1944 года семья вернулась из эвакуации в поселок Волот Новгородской области. А уже в ноябре Евгений Журавлев был призван в ряды Советской Армии, попал в пехоту Ленинградского фронта. Участвовал в освобождении Ленинграда и других земель, захваченных немцами. После войны, в мае 1945 года, был направлен в танковый полк на обучение, закончившееся в октябре.

Вышел оттуда стрелком-радистом знаменитого танка Т-34. А в 1947 году командование направило его на курсы орудийных мастеров, которые он успешно окончил. Потом служил в танковых войсках мастером до апреля 1951 года. Получил звание сержанта.

После войны Евгений Журавлев многие годы жил и работал в прекрасном поселке Волот.

К сожалению, этого замечательного человека уже нет с нами.

Павел Якимович
гр. 9101

Именно в это время страна узнала своих Героев

Помнить, не забывать...

Мой прадедушка, Ефим Константинович Соколов, уроженец деревни Лесная Поляна Быковского совета, 1910 года рождения, прошел войну с первого и до последнего дня. Закончил ее сержантом. Был награжден медалью «За отвагу».

Вспоминает моя бабушка, Нина Ефимовна (когда закончилась война, ей было 6 лет):

«С фронта встречала вся деревня, и стар, и млад, бежали с криками. Первый солдат, которого я увидела, был весь забинтован, оказалось, что у него нет носа. Потом пришел и отец, здоровье оставил на фронте. Работал в кузнице. Мастером был известным на всю округу. До сих пор помнятся сделанные им сани. Выглядели, как карета. С горки все дети на них катались. Редкостной доброты и порядочности был человек».

Запомнился такой эпизод: мы с ним печем лук в печке-«времянке», в разговоре с мамой слышу голос отца:

«Вот лежишь в окопе, рядом умирает солдат, и сам думаешь: «Ведь это мог быть я». Было так тяжело».

Ефим Константинович Соколов

Сейчас имя Ефима Константиновича Соколова занесено в книгу «Солдаты Победы» 1941-1945 гг. А вот, где служил и в каких войсках, — сделали запрос в Центральный Военкомат РФ.

Умирал прадед очень тяжело, и сейчас страшно вспоминать. Время было голодное. Обезболивающих средств не было. Похоронен в 1951 году в д. Крестцы.

Другой прадедушка, Яков Удальцов, уроженец д. Березовик, той же местности, воевал еще в Гражданскую войну, и был призван на фронт в 1941 г.

Прабабушка, Василиса Евдокимовна Удальцова, узнала, что ее муж ранен и находится в госпитале в Ленинграде. И она пешком, а где и на подводе, с гостинцем (зажаренным в печи бараном), пошла в Ленинград. Дорога была долгой, но она дошла. Посмотрела на своего любимого. Головушка — в бинтах, без сознания... Посидела, поплакала и снова пошла домой. А расстояние от Пестово до Ленинграда, да еще деревнями, а не по железной дороге, большое.

«У меня при этом воспоминании, — продолжает Нина Ефимовна, — все в душе холодеет. Сколько выпало горя, работы, заботы! И детей нужно было растить и страну восстанавливать. Беречь бы ее... Вечная им память».

Война принесла с собой боль и утраты, трагедии и разрушения, но, вместе с тем, именно в это время страна узнала своих Героев, в том числе, и маленьких Героев с большим сердцем.

Даниил Плюта, В. С. Жук, Иосиф Нозадзе

Даниил Плюта
Иосиф Нозадзе
гр. 0061

Броня крепка и танки наши быстры

Владимир Станиславович Жук родился 10 ноября 1921 года в Москве. В 1940 году после окончания школы поступил в Ульяновское танковое училище имени Владимира Ильича Ленина, которое ныне расформировано. Там его и застала война.

Вот что рассказал ветеран:

«В связи с началом войны курс, на котором я учился, ускорили. Нас там готовили в командиры танковых взводов. В октябре 1941 года мне присвоили звание воентехника 2-го ранга, это звание на тот момент было уже выше остальных. Затем я был направлен в Сталинград, в формирующуюся там 89-ю танковую бригаду, которой командовал полковник Котюков. В бригаде, впоследствии вошедшей в состав первого танкового корпуса, я и прошел боевой путь с октября 1941 по май 1945-го на фронтах: Брянском, Юго-Западном, Западном, 1-м и 2-м Прибалтийских и 3-ем Белорусском, занимал должности техника по ремонту боевых машин, командира взвода и роты.

Впервые мне довелось самому вступить в бой в мае 1942 года. Мы сдерживали натиск врага. Вскоре я был ранен и получил контузию. После краткосрочного восстановления я вернулся в боевые ряды, и мы сдерживали южную группировку немцев под Воронежем, чтобы не дать им соединиться с основными силами.

И хотя от нашего первого танкового корпуса осталось уже очень мало боевых единиц, но все-таки мы свою задачу выполнили, Воронеж не был взят! Тогда нас перебросили южнее. Там под Тулой мы провели четыре боя в таком неполном составе, и только потом прибыло пополнение.

Нам удалось ввести немцев в заблуждение, не позволив им обнаружить местоположение своих основных войск. В Сталинграде же ситуация стала запредельной, немцы вышли к Волге.

19 ноября три танковых корпуса Северо-Западного, Юго-Западного и Северного фронтов решали задачу окружения Сталинградской группировки армии Паулюса. Цель была одна — не задерживаясь, не вступая в бои, сковать, замкнуть в одно кольцо армию Паулюса.

Мы в первый же день прошагали почти 35 км, в бои не вступали, обходили вражеские укрепления.

Сильное сопротивление мы встретили в конце, в районе Шировикино. Танковая группировка Манштейна, которая находилась южнее, была направлена на выручку немецким войскам, чтобы прорваться и вывести их из кольца, но у них ничего не вышло. Конечно, мы понесли большие потери. В ноябре и декабре шли бои под Шировикино, прибыл новый взвод, а бомбежки были страшные. Мы вели бои даже 31 декабря. Наступил рассвет, а немцев уже как ветром сдуло. Мы их сопровождали на протяжении 30 км, и, наконец, настигли. Выполнив, по сути, свою задачу, мы в то же время понесли большие потери. В этом бою я был опять ранен, и снова Бог миловал — остался в живых».

После войны Владимир Станиславович продолжил службу в Вооруженных Силах в Прибалтийском военном округе, в группе советских войск в Германии, а также в составе группы советских военных специалистов в республике Куба на должностях от заместителя командира батальона, полка, дивизии до начальника Бронетанковой службы танковой армии в званиях от капитана до полковника.

В 1972 году был уволен в запас, а 1981 году ушел в отставку, отдав службе в Вооруженных Силах 38 лет.

За 55 с половиной лет службы и труда награжден Родиной семью боевыми орденами и пятью медалями, медалью «За безупречную службу 1-й степени», «Ветеран вооруженных сил СССР», «Ветеран труда», а также двадцать одной юбилейной и почетной медалями, Знаком Почетного участника парада Победы 24 июня 1945 года.

Надо знать и помнить, что Великая Отечественная война была войной народной, войной великой. Ни Америка, ни Великобритания не одолели бы фашистскую Германию, могучую военную машину Гитлера, если бы не мощь СССР, если бы не фантастическое мужество и самоотверженность советского народа, если бы не потрясающий героизм солдат и офицеров, если бы не ум, выдающийся талант и железная воля советских полководцев.

Даниил Дмитриев
гр. 0041

Повзрослевшие до поры

Александр Мефодьевич Кузьмин родился в 1925 году в Тверской области, участвовал в сражениях против германских и японских войск.

Его отец, Мефодий Кузьмич, крестьянин, кузнец, 22 марта 1938 года был репрессирован Тройкой УНКВД Калининской области, осужден по ст. 58-10 УК РСФСР, приговорен к 10 годам лишения свободы. Вернулся домой в январе 1944 года, был реабилитирован 24 апреля 2002 года прокуратурой Тверской области. В настоящее время реабилитированы и его дети.

Ветеран вспоминает:

«Как жилось без отца? Наша семья состояла из 10 человек. Кроме родителей и шестерых детей, были дедушка (отец отца) и тетушка (младшая сестра матери).

Старший брат по окончании Московского механического техникума сначала работал в Ленинградской области, затем в Архангельской области. Последние годы жизни с семьей жил в Казани. Сестра после окончания педагогического училища работала в школах Фировского района.

Брат, 1919 года рождения, с 1941 года по 1945 находился на воинской службе в Красной Армии, участник ВОВ. С матерью остались я и младший брат, 1927 года рождения. Брат до ухода в армию работал на лесопильном заводе в должности слесаря.

Некоторые из юношей в деревне работали на заводе в качестве подсобных рабочих: отвозили опилки, пиловочный материал и т. д. Платили нам за работу по 3 руб. 60 коп. в день. В период школьных каникул приходилось поработать и на сплаву. Эта работа состояла в том, что лесоматериал (бревна длиной 6,5 м, дрова и др.), заготовленный в зимний период вывозили на берег реки Шлины. Весной и осенью, когда река освобождалась от ледостава, лесоматериал сбрасывался в речку, и он сплавлялся вниз по течению.

Конечно, работа на сплаву была тяжелой. Нужно было в большую весеннюю воду успеть подготовиться: спустить лесоматериал в речку, установить отбойные деревья так, чтобы основной материал не заходил в заливные места речки. Если успеешь подготовиться, то работа по сплаву лесоматериала до места назначения (лесопильный завод Шлина, Вышневолоцкое водохранилище и др.) будет выполнена в самое короткое время, а значит, и заработок будет хорошим. Во время работ по сплаву леса, как правило, ночлег был организован на берегу реки, на открытом месте или в деревенской бане. Пищу готовил повар — член нашей бригады. Очень вкусным всегда был суп из свежих белых грибов. Во время отдыха в дневное время мы старались расположиться в тех местах, где был небольшой ветерок: там меньше беспокоили комары. Кроватью для меня, как правило, была метровая доска или половина метрового полена, на которое я ложился и мгновенно засыпал.

В 7 лет пошел в школу, до 4 класса — по месту жительства; в 5-7-м классах учился в Рождественской восьмилетней школе, куда надо было ходить за 7 км, среднюю школу заканчивал в поселке Фирово, уже в 25 км от дома. В Рождественскую школу добирались в понедельник, возвращались в субботу после занятий. В Фировскую школу добирались на поезде, а в субботу — пешком. Как правило, мы жили на частных квартирах. Я и еще 10 человек проживали у родной тетушки. Питались все вместе, жили очень дружно, спали все на полу. В один год три брата (я, Ваня и Коля) одновременно учились в школе. Я учился в 5-м классе, а братья — в 7-м».

В те времена дети увлекались различными самострелами-поджигалками. Брат Коля в качестве ствола для поджигалки приспособил ствол от револьвера, который ему подарил один из учеников его класса. Отец друга был милиционером. Поджигалку зарядили и ушли в школу. Все 10 человек сидели за столом и ждали Колю на обед. Коля пришел и сразу же решил проверить изготовленный пистолет в действии. Вдвоем вышли на улицу, поставили полено, а на полено — консервную банку. Выстрел произошел, но то, что было в канале ствола, выбросило не вперед, а назад, и Коле свинцовой заглушкой проломило голову. Несмотря на то, что брата быстро отвезли в больницу, спасти его не удалось. Коля учился только на «4» и «5», пользовался авторитетом среди своих сверстников, хотел быть инженером».

Александр Мефодьевич Кузьмин

Когда началась война, многие мужчины были призваны в Красную Армию. Те юноши и девушки, которые еще по возрасту не были мобилизованы, привлекались к раз-

личным работам. Группа из 30 человек, в которую входил и Саша Кузьмин, принимала участие в строительстве оборонительных сооружений в Новгородской области. На поезде ребят довезли до одной из станций (не доезжая Осташково), потом они шли пешком через поселок Полново и дальше — до Филипповой Горы. Жители деревни были эвакуированы. Группу разместили для проживания в одном из амбаров, который был заполнен свежескошенным и высушенным сеном. Руководитель разрешил брать то, что выросло на огородах жителей деревни. Ребятам нужно было построить такие сооружения, которые не смогли бы преодолеть немецкие танки — противотанковые рвы.

В рабочем поселке в здании школы был открыт госпиталь, куда привозили для лечения раненых. Особенно много везли из Новгородского, Демянского районов, Старой Руссы. Раненых доставляли автотранспортом и на малых самолетах. Для посадки и взлета легких самолетов было приспособлено ровное поле, а вот для автотранспорта нужны были проходимые дороги. В годы войны зимы были снежные. Для очистки дорог от снега было мобилизовано население поселка, звали всех, кто мог в руках держать совковую лопату — отказов не было. Дороги всегда поддерживали в таком состоянии, чтобы было можно вывезти с фронта раненых, а на фронт отправить оружие, боеприпасы, продовольствие и др.

Конечно, не всех тяжелораненых врачи госпиталя могли вылечить. Умерших военнослужащих хоронили на высоком берегу реки Шлины.

> *«Моя мать, Евдокия Андреевна Кузьмина, — продолжает ветеран, — была принята на работу в госпиталь прачкой. Она также заведовала продовольствием, чему мы были очень рады. Конечно, стирать вручную белье раненых было трудно, но мать это делала хорошо. Само собой, я ей помогал: нужно было наносить воды из речки, принести дров для кипячения и глажения белья и т.д. Нареканий от руководства госпиталя по поводу стирки мы не получали.*

Поблизости от нас проходила железная дорога, связывающая Бологое, Осташково и Великие Луки. По этой дороге на фронт переправляли боевую технику, личный состав боевых частей

Красной Армии. Недалеко от станции Шлина через речку Шлину был проложен железнодорожный мост длиною около 200 м. Немецкие стервятники хотели вывести мост из строя, для того чтобы нарушить железнодорожное сообщение. Сделать это им не удалось, хотя попыток было много. На запасном пути стояли платформы, а на них — зенитные установки. Вот они-то и не позволяли сбрасывать на мост бомбы с низкой высоты, а с больших высот вывести из строя мост немцы не смогли. Были также попытки взорвать мост силами диверсантов, но и таким путем это сделать не удалось: мост охранялся военными из гарнизона, находящегося поблизости. Для охраны моста использовались сторожевые собаки, по две на каждом берегу. Кроме того, ежедневно группа юношей и девушек из 5-6 человек под руководством офицера гарнизона прочесывала территорию вокруг моста с целью обнаружения диверсантов. Но мы их так и не обнаружили.

В конце 1942 года юноши 1925 года рождения были призваны на службу в Красную Армию, а 1 января 1943 года все получили повестки о срочной явке в Фировский райвоенкомат для прохождения воинской службы.

До военкомата добирались на грузовой автомашине, покрытой брезентом. После регистрации всех отправили поездом до Калинина с пересадками на станциях Бологое-2 и Бологое. С Бологого-2 до Бологого мы добирались пешим порядком. Такой способ передвижения уменьшал риск попасть под бомбежку немецких стервятников, а бомбили населенные пункты (особенно город Бологое) очень часто и по несколько раз в день.

Сформированный поезд из товарных вагонов, в которых разместили призывников, двинулся со ст. Калинин на Дальний Восток. Товарные вагоны были оборудованы деревянными нарами, и в каждом вагоне была установлена чугунная печь, так что в вагонах было тепло, хотя стояла холодная погода. До места службы добирались довольно долго, с остановками на узловых станциях для приема пищи и других нужд.

В роте сержантского и рядового состава было около 150 человек, и все проживали в одной казарме, спали на нарах под байковыми одеялами.

Конечно, большое значение имеет и то, кто тобою командует. Прошло более 60 лет, как я закончил службу в Советской Армии, но до сих пор вспоминаю только хорошими словами своих командиров.

Лейтенант Трекущенко И. М. всегда уважительно относился к своим подчиненным, за три года он ни одного солдата не наказал, всегда давал возможность людям отдохнуть.

Под стать ему был и командир отделения, сержант Ахмедшин Закир Мухамедгинович, родом из Башкирии, ст. Туймаза. Он «командовал» нами как своими детьми, мы от него грубого слова никогда не слышали. Питание у солдат в то время было, надо сказать, неважное. Но если командир, будучи дежурным по кухне, приносил лишнюю солдатскую порцию какой-нибудь еды, то никогда не ел ее в одиночку.

В нашей роте, как и во всех подразделениях полка, была комсомольская организация, секретарем которой избрали меня. Конечно, эта должность была почетной, но и дополнительных забот было предостаточно, например, нужно было выпускать ротную стенную газету.

Редактором газеты был Имбирев Анатолий Васильевич. Стенгазета по площади была небольшой, но всегда содержательной. В ней отражалась жизнь не только личного состава нашей роты, в ней освещались и вопросы хода боевых действий, и многое другое».

***

Великая Отечественная Война близилась к своему завершению. Улучшилось продовольственное снабжение, заменили старое обмундирование на новое, некоторые солдаты и сержанты получили американские ботинки коричневого цвета. Выглядели ботинки привлекательно, но носить их было неудобно.

В воинских подразделениях проводились комсомольские и партийные собрания, на которых обсуждались и вопросы о подготовке Советской Армии к войне против Японии. На таком собрании Кузьмин стал, как отличник боевой и политической

подготовки, кандидатом в члены КПСС, а затем, через год, вступил в партию.

Воинское соединение, в котором он служил, расположилось в Монголии. Занимались строительством оборонительных сооружений — траншей, противотанковых рвов и др.

Несмотря на то, что боевые действия на Западном фронте шли полным ходом, было ясно, что гитлеровская армия скоро капитулирует, что и произошло в мае 1945 года.

В августе 1945 года Советское правительство объявило о начале военных действий против японских вооруженных сил.

Однопутная железная дорога на участке Карымская—Борзя—Чойбалсан не могла обеспечить необходимого потока эшелонов с войсками и грузами. Поэтому части войск артиллерии на механизированной тяге и моторизованные соединения разгружались на железнодорожных станциях между Читой и Карымской, а далее они следовали своим ходом. Совершив марш от 600-700 км до 1000-1200 км из района Чойбалсана, войска всех трех армий и части усиления выдвигались в районы их развертывания на государственной границе Монгольской Народной Республики и Маньчжоу-Го, то есть еще на расстояние 200-250 км.

1043-й полк в составе 284-й стрелковой дивизии 17-й армии также выдвинулся в район развертывания, куда прибыл в установленное время. Предстояло пройти более 200 км в полной боевой выкладке в более чем тридцатиградусную жару. Трудность перехода состояла и в том, что войска двигались по территории, где очень мало водоемов с пресной водой.

7 августа поступила директива Ставки 1-го и 2-го Дальневосточных фронтов, где было приказано 9 августа начать боевые действия авиации всех фронтов, а наземным войскам Забайкальского и 1-го Дальневосточного фронтов — перейти границу с Маньчжурией.

И опять переходы по пустынной местности: кругом почти одинаковые сопки, лишенные растительности. Под палящим солнцем

маршировать было очень трудно, поэтому командование приняло решение передвигаться ночью. Войска уже не находились на территории МНР, и нужно было быть более осторожными, так как противник мог быть рядом. При движении ночью умудрялись спать, прислонившись друг к другу. Один переход был особенно трудным.

«После завтрака по команде личный состав стал отдыхать, — рассказывает Кузьмин, — после обеда предстоял переход. Но оказалось, что мы остановились в том месте, где не было пресной воды. Только поздно вечером смогли обнаружить водоем, наполнить водой котлы походной кухни и приготовить пищу. После ужина весь личный состав лежал на земле, укрытый шинелями. Покой отдыхающих берегли, в основном, офицеры».

Как правило, движение в ночное время проходило без шума, курение не разрешалось. Перед началом движения подразделений вперед высылался дозор, состоявший из нескольких солдат во главе с сержантом, для того чтобы провести разведку. В случае обнаружения противника руководитель группы дозора сообщал командованию части, которое принимало соответствующее решение.

«В одном из таких дозоров, состоящих из 6 человек, — вспоминает Александр Мефодьевич, — был и я. Двигаясь параллельно основным силам, мы несколько отклонились влево. Я решил, что мы должны идти правее. Командир разрешил мне двигаться в часть по тому направлению, которое я выбрал. Это было мое ошибочное решение, за что я и был наказан. Я шел в одиночку по территории, где нет воды, нет растительности, везде одинаковые сопки. Пройдя несколько километров в выбранном направлении, я вышел на малозаметную дорогу, по которой, как я понял, проехала наша часть. К счастью, примерно через несколько минут подошла грузовая машина, загруженная шестиметровыми досками. Машина меня подобрала, и таким образом я доехал до своей части. Для меня этот самостоятельный поход закончился без особых приключений, а мог бы и трагически. Так поступать не следовало. Я оказался один среди пустыни: без компаса, без воды, без пищи...

Итак, пройдя довольно продолжительный и трудный путь, наша воинская часть дошла до гор Большой Хинган. По сравнительно узкой дороге мы спустились в подножье гор, затем оказались на территории Китая».

Эта война была недолгой, но ожесточенной. 3 сентября был подписан акт о капитуляции Японии.

Родина достойно оценила подвиг своих сынов. 93 воина стали Героями Советского Союза, а шестеро получили золотую звезду Героя во второй раз. Свыше 300 тысяч человек получили ордена и медали. Всем участникам войны с Японией была вручена медаль «За победу над Японией».

После расформирования воинской части несколько человек рядового и сержантского состава для продолжения службы перевели в состав 12-ой воздушной армии. Кузьмин был направлен курсантом в Вознесенское авиационное военное училище. После расформирования училища его перевели на службу в 23-й отдельный инженерно-аэродромный батальон 12-ой армии, где Александр Мефодьевич прослужил с декабря 1945 года по сентябрь 1950 года. Батальон дислоцировался в Читинской области в пос. Дацан.

В летний период батальон занимался ремонтом взлетно-посадочных полос аэродрома, а зимой — подготовкой к летним ремонтным работам.

***

После окончания службы в Красной Армии Александр Мефодьевич Кузьмин с 1950 по 1952 г. обучался на физико-математическом факультете Вышневолоцкого учительского института. В 1955 году заочно закончил физмат Калининского пединститута.

За участие в боях против японских милитаристов А. М. Кузьмин был награжден орденом Отечественной войны II степени, медалями «За боевые заслуги», «За победу над Японией», многочисленными юбилейными медалями, в том числе медалью Монгольской народной республики в честь 30-летия Победы над Японией.

Константин Епифанов
гр. 9411

Дед не любил
вспоминать
эти годы

Как хотелось бы, чтобы он был рядом…

Так получилось, что своего деда я совсем не знаю. Он умер, когда моя мама заканчивала 10 класс. Это случилось 14 мая 1978 года, но до сих пор многие в нашем селе вспоминают его добрыми словами, потому что он был отзывчивым, мужественным человеком, всегда готовым прийти на помощь другим людям. Мама, бабушка и моя тетя всегда приводят его в пример. Этот рассказ — то, немногое, что рассказала мне мама.

Мой дед, Андрей Федорович Иванов, родился 19 сентября 1919 года в деревне Березовка Ермаковского района Красноярского края. В семье, кроме него, было еще четверо детей: брат

и 3 сестры. Мою прабабушку звали Мария Марковна, родом она была из Воронежа, а прадед Федор Ильич был коренным сибиряком. Он гнал деготь в тайге, добывал дичь на охоте, жил и кормил свою семью. А прабабушка хлопотала дома по хозяйству. В деревне была только начальная школа, и, чтобы продолжить учебу, мой дед ходил в соседнюю деревню за несколько километров пешком, зимой — на лыжах. После окончания школы он учился на ветфельдшера в районном центре, а в 1937 году был призван в ряды Красной Армии.

Служил дед на Дальнем Востоке, там он зарекомендовал себя с хорошей стороны, поэтому ему по окончании срока службы предложили остаться в армии. Дед был направлен на ускоренные курсы комсостава войск НКВД. Закончил он их перед самой войной — в июне 1941 года. Так как нашей стране угрожала не только Германия, но и Япония, дед встретил войну на Дальнем Востоке.

Когда же обстановка на Северо-Западном и Волховском фронтах обострилась, и враг начал рваться к Москве и Ленинграду, часть войск с Дальнего Востока перебросили на Северо-запад. Так в конце 1941 года мой дед оказался у нас на Новгородчине. Бабушка вспоминала, как у них в селе Мста (так называлась раньше Бронница) появились лыжники в белых маскхалатах. В это время фашисты забрасывали очень много диверсантов в наши села, и мой дедушка со своими фронтовыми друзьями ловил и выявлял эту фашистскую нечисть.

В январе 1944 года войсковая часть моего деда была переведена на Кавказ в город Хасавюрт. Там дедушка боролся с теми, кто помогал фашистским захватчикам, предавал нашу Родину, кто убивал местных жителей и военнослужащих Красной Армии, а затем скрывался в горах Кавказа. Дед не любил вспоминать эти годы, слишком много жестокости и крови пришлось ему увидеть. Затем дед воевал в Прибалтике. Там они ловили бывших карателей и так называемых «лесных братьев», тех, кто служил в гитлеровских войсках, кто убивал местных активистов и мешал восстановлению Советской власти в Прибалтике.

Мой дед был очень общительным человеком, честным, порядочным, верным другом, был «душой компании», поэтому у него

было очень много друзей. И как приятно читать строки на обороте их фотографий: «Лучшему другу и командиру».

К сожалению, мама не помнит, в каком звании дед закончил службу. У него были и боевые медали.

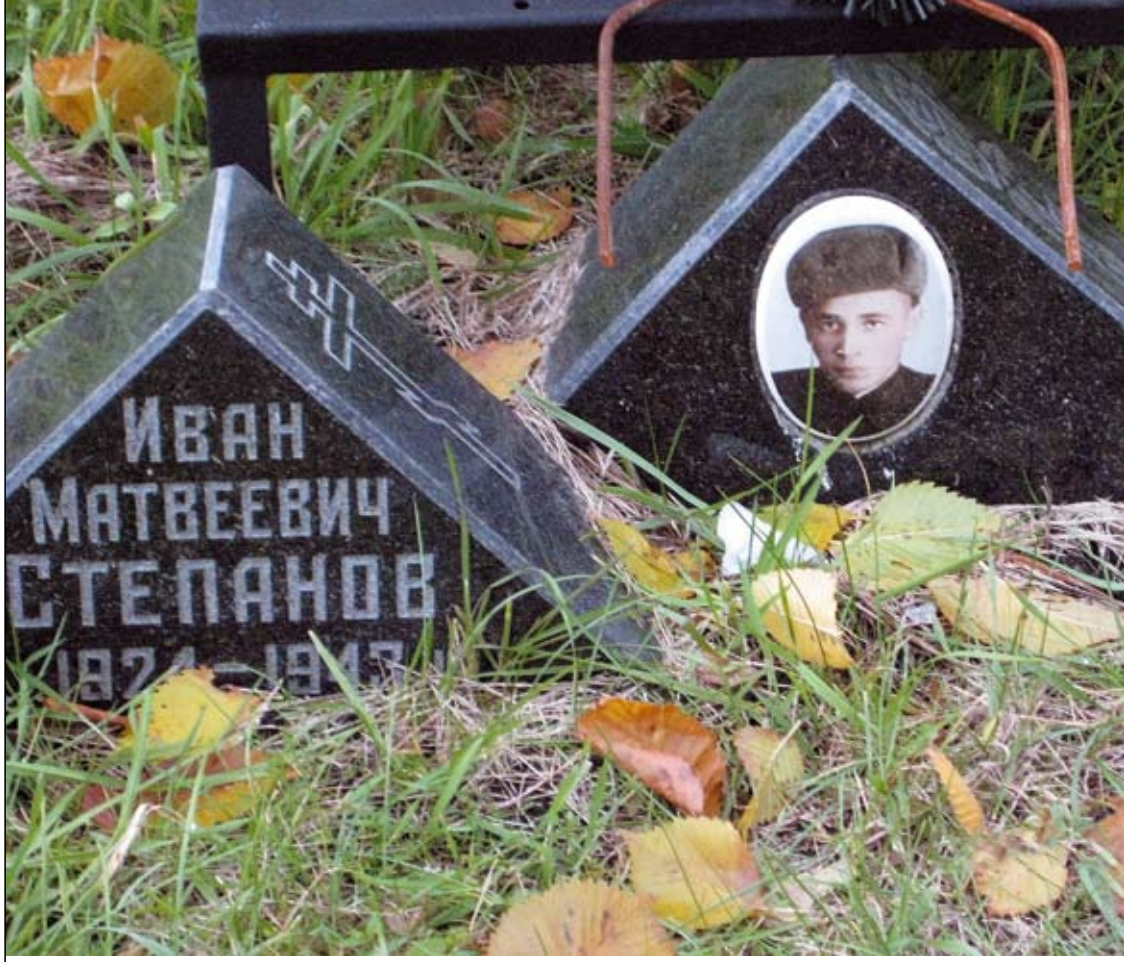
К счастью, во время войны были не только слезы, но и радостные незабываемые моменты. В 1942 году дед познакомился с бабушкой. Какой теплотой и нежностью наполнены записи на обороте фотографий, обращенных к ней!

После войны дед продолжил службу в рядах армии Прибалтийского военного округа. Затем, по семейным обстоятельствам, он ушел в запас. Жили с бабушкой в Сибири, позже вернулись на ее родину. Здесь родились у них две дочери.

Дед после службы в армии долгое время работал инструктором райкома партии. Затем был направлен секретарем парторганизации в колхоз «Урожай». Он вел большую общественную работу: вел политзанятия в колхозе. Очень любил читать воспоминания Г. К. Жукова. Для него Жуков был образцом для подражания. Часто выступал в школах, на митингах 9 мая. Бывал на встречах с ветеранами войны. Переписывался со своими фронтовыми друзьями.

Последние годы работал ветфельдшером в колхозе «Урожай». Односельчане и жители окрестных сел и деревень очень любили и уважали его за честность, открытость. Он никогда не отказывал людям в помощи. В любое время суток, днем и ночью, люди обращались к нему с просьбой в лечении их домашних животных, и дедушка всем помогал. Его в шутку называли «наш доктор Айболит». Дед был очень веселым, артистичным человеком — был замечательным Дедом Морозом на елках для детей, прекрасно пел. Но все-таки война не обошла его просто так, он часто хватался рукой за сердце, хотя никогда не говорил бабушке о своем недуге.

Смерть матери, нашей прабабушки, и невозможность поехать к ней на похороны окончательно подорвали его здоровье. Дед умер на 59-ом году жизни. Такого количества людей на похо-



Долина Мужества. Мясной бор.

ронах в нашем селе мама в жизни никогда не видела. Смерть деда была трагедией не только для нашей семьи. Любовь к нему бабушка сохранила в своем сердце. Она все время вспоминала его и приводила в пример.

В 2003 году бабушка скончалась.

Мы чтим память нашего деда: ухаживаем за его могилой, возлагаем цветы. Мне очень не хватает моего деда и, глядя на его фотографии, я представляю, что мы сидим с ним рядом, и он рассказывает мне о тех далеких военных годах, о своих друзьях. Очень жаль, что этому никогда не суждено сбыться.

Алексей Иваровский
Иван Волков
гр. 9411

Война закончилась.
Мы освободили народы
Китая, Монголии,
Вьетнама, Кореи...

Иван Волков
и Иван Герасимович Зимин

На исходе войны

Иван Герасимович Зимин родился в 1927 году в крестьянской семье в деревне Лотниково Читинской области.
Ветеран рассказывает:

«В 1944 году вместе со своими тремя друзьями я был призван в ряды Советской Армии. Это у меня получилось не сразу. Сначала из военкомата меня хотели отправить обратно, потому что дома оставалась большая семья: шестеро братьев и сестер, больная мать. Отец, врач по профессии, в начале войны ушел на фронт.

Мне предлагали отсрочку, но я решил служить. Был направлен на Забайкальский фронт, станцию Домно Читинской области, где находилась школа младших авиационных специалистов (ШМАС).

Шесть месяцев проучился в школе, изучил самолеты «ИЛ-4», разные истребители и сдал экзамены, приобрел специальность механика по вооружению бомбардировочной авиации».

В ночь на 9 августа 1945 г. начались боевые действия между СССР и Японией. Подготовка с нашей стороны была сильная. Японцы тоже готовились, но они не ожидали, что наш удар будет таким молниеносным.

Алексей Иваровский и И. Г. Зимин

«Наш полк, — продолжает Иван Герасимович, — участвовал в высадке десантных войск, начиная от Мукдена и вплоть до Пекина. Это имело огромное значение.

Япония капитулировала 3 сентября 1945 г. Война закончилась. Мы освободили народы Китая, Монголии, Вьетнама, Кореи...

За действие нашей авиации в Маньчжурии мы были награждены медалями «За боевые заслуги», «За победу над Японией», благодарностью Сталина».

После успешного завершения военных действий на Дальнем Востоке Зимин был переведен в Новгородскую область. Лечился в военном госпитале у реки Гзень.

Новгород в те годы (в 50-х годах) был полностью разрушен. После лечения Иван Герасимович был отправлен в поселок Кречевицы, где в течение 12 лет прослужил старшим авиационным механиком самолетов «ИЛ-4», а затем «АН-12». В 1970 году демобилизовался. Уже через несколько дней поступил на работу в Новгородский политехнический институт, где долгие годы работал старшим механиком кафедры физики.

В настоящее время Зимин на пенсии и вот уже девятый год является председателем Городского совета ветеранов-дальневосточников, принимавших участие в разгроме Японии.

Многие события военных и послевоенных лет довольно спорны, но очевидно одно: каждое последующее поколение должно относиться к подвигам предков с уважением и благодарностью.

Марьяна Кушманова
гр. 90733у

Когда я рассказываю сыну о Великой Отечественной войне, я говорю, что его прадедушка был героем этой страшной войны, одним из тех, кем гордятся наша семья и страна

Память сердца

Я помню дедушку строгим и молчаливым человеком, который мало рассказывал внукам про войну. Это были самые ужасные его воспоминания, о которых он, возможно, хотел забыть.

Если бы наши дедушки и бабушки не отстояли нашу страну, то сейчас мы не видели бы свободного неба над головой. И теперь, спустя много лет мы, внуки и правнуки, это понимаем. Когда я рассказываю сыну о Великой Отечественной войне, я говорю, что его прадедушка был героем этой страшной войны, одним из тех, кем гордятся наша семья и страна.

Мой дедушка, Николай Васильевич Семенов, родился в деревне Ершено Старорусского района Новгородской области 20 января 1924 года. В 1939 году окончил 10 классов неполной средней школы. Когда началась Великая Отечественная война, ему было 17 лет. В действующую армию не взяли, и он ушел в партизаны. Воевал в отряде Ивана Ивановича Грозного, в 66-м партизанском отряде 4-й партизанской Ленинградской бригады. Иван Васильевич рассказывал, что они жили в лесу в землянках. А иногда ночевали под открытым небом, в снегу. В таких случаях ложились под деревья, по утрам ноги так замерзали, что было не встать, и приходилось держаться за деревья, чтобы подняться на ноги.

Николай Васильевич Семенов

Его награды:
Медаль «За боевые заслуги» — 6 октября 1966 год.
Памятный знак «Ленинградский партизан» — удостоверение № 2164 в ознаменование 30-летия разгрома немецко-фашистских войск под Ленинградом. Выдано 27 января 1974 года.
Медаль «За победу над Германией» 9 мая 1945 год.

Мы должны знать и понимать, какой ценой далась нашему народу Великая Победа, ценить мужество и героизм своих предков, помнить, сколько горя и кровопролития принесла война русской земле.

Игорь Шуляков
Александр Муравьев
гр. 9411

Набирали в разные военные части — в стрелки, радисты, пулеметчики, а прибыли сплошь одни сапожники да плотники

Игорь Шуляков

Война — работа тяжелая

Дмитрий Сергеевич Минин в 30-е годы уже успел отслужить в армии, а в начале Великой Отечественной войны работал в Новгородском промкомбинате. Когда уже бомбили Новгород и Кречевицы, на промкомбинате выполняли военные заказы: изготавливали гвозди для восстановления мостов, делали пружинки для мин, «ежи» против автоколонн.

«Вечером после работы вдоль вала рыли противотанковые рвы. В это время в Новгороде ночью ходили только по пропускам, так как было много людей, бежавших от войны из Латвии, Литвы, Эстонии. Бежали на лошадях и машинах, часто без документов, и под этой маркой просачивалось много шпионов. Люди бежали неорганизованными группами, многие даже не успевали одеться и собрать нужные вещи».

Вечером 20 июля Дмитрию Минину принесли повестку из военкомата. На площади собралось около двухсот человек. Им приказали не собираться группами, так как уже трижды бомбили Новгород, Кречевицы, московскую и ленинградскую дороги.

В Ленинград отправились на барже. Перед рассветом баржа остановилась у волховского моста около Чудова. Там была железнодорожная станция, откуда уже поездом добирались до Ленинграда. Казармы были заполнены, и новоприбывшим пришлось ночевать прямо во дворе. Утром набирали в разные военные части — в стрелки, радисты, пулеметчики, а прибыли сплошь одни сапожники да плотники.

Дмитрий Сергеевич Минин

Группу плотников и сапожников повезли в баню, подстригли и переодели. После обеда всем выдали противогазы, сухой паек, средства для очистки кожи от отравляющих веществ и приказали заполнить похоронные медальончики. Дальше их с Лесной улицы через весь Ленинград повезли на Московский вокзал. На вокзале каждой группе дали 5 винтовок старого образца. К этому моменту эшелоны уже были готовы к отправлению, а солдаты находились в вагонах.

Группу Минина передали железнодорожным войскам, и посадили по 18 человек в вагоны, в которых сверху и снизу были настилы. Такие вагоны назывались железнодорожно-восстановительными. Минина определили в команду связи. Дав «когти», в течение двух дней учили лазить по столбам, делать из проволоки скрутку, соединять порванные провода. 25 июля всех погрузили в эшелон, довезли до Любани, и там же они впервые попали под вражескую бомбежку. Но настоящее боевое крещение получили под станцией Озерная. Рельсы были разбиты по всем направлениям, пути разрушены. Осколки летели во все стороны, приходилось прятаться в кустах или ямах. Разбомбили тогда три вагона. После бомбежки пришлось восстанавливать связь. Когда взрывались бомбы, осколки перерезали провода, и связистам приходилось их связывать. В конце концов, связь восстановили. После этого в зеркале Минин увидел только свои глаза и зубы, остальная часть лица была черной от грязи. Эшелон, в котором служил Минин, с 12-ю или 13-ю отрядами работал на железнодорожном пути от мстинского моста до Ленинграда. В середине августа наши войска оставили Новгород, и связистов отправили на Волоколамскую железную дорогу под Москву.

Следующий пункт назначения — Ржев. После прибытия, когда солдаты еще спали, прозвучала тревога — авианалет. Все выбегали из вагонов — кто куда, некоторые прыгали в траншеи. Зенитные орудия начали стрелять по вражеским самолетам, а те куда-то повернули и сбросили десант под Ржевом в нашем тылу.

Связистов посадили в эшелон и довезли до станции, потом на машине — до Ржева: восстанавливать связь. Они остановились на какой то фабрике, сходили в баню, надели новое белье. Вернувшись, получили приказ на восстановление связи Ржев–Торжок. Ночью их посадили на машину и повезли. Когда доехали до окраины города, начало светать. Повсюду слышалась стрельба с дальнобойных пушек. В городе не было ни души, все гражданское население эвакуировано. Вражеское кольцо вот-вот замкнется, осталось всего 2,5 км.

Связисты собрались быстро, сели в машины. Им показали, как быстрее и безопаснее выбраться из города. Когда, наконец, выбрались, то увидели, что по всему полю идут толпы людей: кто на велосипедах, кто на тележках, кто на плечах несет вещи. Колонна автобусов везла раненных под Ржевом. И вдруг налетел вражеский истребитель, начал из пулемета огнем поливать людей. Колонна остановилась там, где самолет разбомбил дорогу, люди начали рубить деревья и засыпать воронку. Но не успели — налетели уже семь самолетов и начали бомбить.

Вот как об этом вспоминает ветеран:

«Мы бросились в лес. Бежим, и я слышу: «И-и-и-и...» Кричу: «Ложись». Бомба взрывается, земля поднимается, нас подбрасывает. Они побомбили и улетели. А мы начали рубить деревья. Как у всех связистов, у нас были и топоры, и пилы, и ломы. Надо было расчищать дорогу, чтобы можно было объехать воронку. Кто-то пилил, кто-то сучья носил, чтобы яму зарыть — надо же как-то дальше идти.

Вдруг опять налетели три четырехмоторных самолета. И стали бомбить то, что мы зарывали. Когда бежали к лесу, меня контузило и легко ранило. Падая, бомба издает такой же вой, как сирена. Что было дальше, точно не помню. Помню только, что было много берез. Думаю, при взрыве меня накрыло дерниной, то есть ударило меня не осколком, не волной, а куском дерна. Я потерял сознание, а ребята меня подняли.

В целом, обошлось. Потом смотрю на березы — все развороченo с корнями. И команда: «Собирайтесь». Все собрались, погрузились на машину. Дорогу уже заделали. Автобусы с ранеными пропустили вперед. И вся толпа ринулась вперед, как на первомайском празднике. Сплошная такая лавина — тысячи людей: у кого — повозки на плечах, у кого — ребятишки.

Остановились мы в деревушке левее Клина. Командир приказал остаться. Надо было попросить продуктов у населения и хоть чем-то перекусить. Нас ни в какую не пускали в дома, но одну женщину мы все-таки уговорили. Эта женщина сварила нам похлебку. В тепле я почувствовал, что у меня мокрая нога. Присел, посмотрел, а у меня целый лоскут из ботинка вырван. И осколок торчит. Видно, попал во время бомбежки. Кость-то не задел, а кровь уже запеклась. А я даже не почувствовал».

***

На дорогах войны всякое случалось: и в кювете можно было оказаться, и зажигательные бомбы приходилось тушить, и огонь песком засыпать, и пилить дрова для эшелона, когда кончался уголь. Наступала зима, а бойцы остались в летней одежде, так в ней и работали: сбивали лед с проводов.

Когда Дмитрия Минина вызвали в Данилов, ему пришлось добираться на попутках. В итоге, выдали ему слегка перекошенную машину, и стал связист шофером. Так и прослужил за баранкой до 1947 года. Победу встретил в Германии, в 60-ти км от Берлина. Там и узнал, что Германия капитулировала.

Виктор Карпушкин
гр. 8061

Иван Осипович горел в танке, подрывался на мине, получал множественные ранения, но, несмотря на это, продолжал самоотверженно сражаться с врагом

Живая история

После моей встречи с Иваном Осиповичем Аксеновым прошло больше недели, а я до сих пор не могу до конца осмыслить, осознать то, что рассказал мне ветеран.

Конечно, все мы знаем историю нашей страны и понимаем, что она была полна тяжелыми периодами для народа. В общих чертах представляем себе, какой была Великая Отечественная война. И в то же время, для большей части моего поколения это всего лишь главы из учебника истории, которые, как и любой другой учебный материал, только со временем укладываются в голове. Но когда видишь, как события со страниц исторических хроник проецируются на судьбы людей, это уже не так просто понять и осмыслить, по крайней мере, мне.

Трудно представить, как наш народ и каждый человек в отдельности смог пережить все испытания, которые выпали на его долю в двадцатом веке, и при этом не сломаться.

Иван Осипович Аксенов

Иван Осипович прошел не только всю Великую Отечественную войну: ему довелось сражаться на Советско-Финской войне, а также на озере Хасан и реке Халхин-Гол. Не раз он оказывался, казалось бы, в безвыходных ситуациях, но все же, благодаря мужеству и отваге, находил из них выход, который, как правило, был связан со смертельной опасностью.

Иван Осипович горел в танке, подрывался на мине, получал множественные осколочные и пулевые ранения, но, несмотря на это, после госпиталя возвращался к товарищам на фронт и продолжал самоотверженно сражаться с врагом.

Теряя друзей в бою, выполняя невыполнимые приказы, очень трудно остаться верным себе и сохранить достоинство, сберечь силу духа и не потерять надежду на лучшее. Однако Ивану Осиповичу удалось сделать это. Пройдя невероятно тяжелые испытания, он смог вернуться к мирной жизни, создать семью, вырастить детей и, я бы сказал, стать примером для других новгородцев. Как Ивану Осиповичу удалось совершить такой

подвиг, насколько это было тяжело, мне, наверное, никогда не понять.

Я могу лишь восхищаться такими людьми и верить в то, что и наше поколение несет внутри огромный потенциал, который пока не раскрыт.

Прожив почти век, Иван Осипович сохранил прекрасное чувство юмора, которое снимало напряжение во время довольно продолжительного и серьезного интервью. Поразительная точность и объем исторической информации, которой располагает ветеран, не могут не впечатлять. Доброжелательное отношение к людям и бережное отношение к их чувствам в целом пронизывают рассказ Ивана Осиповича о своей жизни.

Мне хотелось бы верить, что мое поколение и я лично когда-нибудь будем обладать хотя бы частью вышеперечисленных качеств. Хотя бы ради того, чтобы нам не было стыдно перед героями — дедами и прадедами.

Полина Смирнова
гр. 9061

Многое из того, что случилось в то военное время, сегодня оказалось забытым

Хранитель памяти

Владимир Сергеевич Могилевский родился 20 марта 1918 года на Украине, в маленьком уездном городке. Отца не было, и до седьмого класса мальчика воспитывал дед.

«Мама вторично вышла замуж, и нам пришлось переехать на Урал в город Магнитогорск, — вспоминает Владимир Сергеевич. — Там заканчивал 7 класс, после окончания получил три удостоверения: одно об окончании семилетки, второе — о присвоении мне профессии слесаря-электрика третьего разряда и третье — о присвоении профессии токаря по металлу третьего рабочего разряда.

Отчим слишком рано умер, в 36 лет, а у мамы, кроме меня, было еще трое ребятишек. Семью нужно было кормить,

Владимир Сергеевич Могилевский

поэтому я пошел работать. Знакомые помогли устроиться в местную газету.

Там я и работал до самой армии. Журналистике отдал почти два года. Когда в Магнитогорске открыли аэроклуб, меня как репортера отправили освещать это событие. Но как писать о том, чего не знаешь?

Я все посмотрел, записал что надо, поспрашивал, а инструктор клуба говорит мне: «Слушай, а ты так и не полетал с ними? Садись, вот, в двухместный планер. Давай хоть слетаем». И я согласился. Нормально получалось! «С завтрашнего дня на занятия будешь ходить», — сказал инструктор. В итоге, я закончил планерную школу, и это было здорово».

После окончания обучения в авиаклубе Владимир Сергеевич был направлен в Оренбургское летное училище. Летал на трех видах боевых самолетов, получил звание младшего лейтенанта.

После приобретения специальности военного летчика-истребителя Могилевского назначили командиром экипажа в составе Отдельной истребительной авиабригады в Ленинградский военный округ — во Псков, на аэродром «Кресты». Отсюда он летал и во время Советско-Финской войны, там же для него началась и Великая Отечественная. В октябре 1943 года начал формироваться 112-й гвардейский Брестский авиаполк дальней авиации.

«Мы летали на А-20G, так называемых «бостонах», — вспоминает Владимир Сергеевич. — Машины были снабжены мощным оружием».

Владимир Сергеевич Могилевский

Отвечая на вопрос о самых ярких событиях военных лет, Владимир Сергеевич пожимает плечами: дескать, трудно выделить какой-то особый день или случай за время своей службы. Могилевский и горел в кабине самолета, и сажал самолет практически без хвоста.

«Это вообще был очень смешной случай, — продолжает летчик, — мы летели на бомбежку: я ведущим, за мной — еще самолет. Там был молодой парнишка. Неопытный. Вот я ему и сказал: «Если вдруг увидим врага, ты приблизься ко мне: плотность огня будет больше, защищаться легче». Летим, чувствую, самолет как-то потряхивает, спрашиваю у штурмана: «Что случилось?» «Все нормально», — отвечает он. Все прояснилось, когда я с трудом посадил самолет: у него практически не было хвоста. Ведомый так ко мне приблизился, что винтом стал рубить мне хвост. Если бы я в воздухе узнал, что происходит, неизвестно смог бы посадить самолет или нет».

Очень беспокоит ветерана, что многое из того, что случилось в то военное время, сегодня оказалось почти забытым. Было это во время бомбежки немецких укреплений в районе Бреста. Его товарищ, летчик Владимир Ивакин, уже понимая, что погибнет, направил самолет, полный первоклассного горючего на батареи противника. Едва вернувшись на базу, Могилевский Владимир Сергеевич подал рапорт комиссару о подвиге товарища, но документ куда-то затерялся. Остались без внимания и другие заявления Владимира Сергеевича, отправленные им уже в наше время.

«Моему товарищу не нужны медали, — сетует ветеран, — но память о нем, должна жить. Может быть, хоть доску памятную установят».

Сегодня Владимир Сергеевич Могилевский — единственный свидетель подвига экипажа, у него есть и карта местности, он может указать точное место падения самолета.

Когда наша встреча подходила к концу, Владимир Сергеевич сказал нам напутственные слова: «Вся жизнь нормального человека, я считаю, заключается, в том, что он преодолевает и побеждает. Делайте дело, и все будет хорошо. И когда будете своих ребятишек воспитывать, то воспитывайте так, чтобы они не боялись преодолевать трудности».

Владимир Сергеевич Могилевский награжден орденом Боевого Красного Знамени, орденом Ленина, тремя орденами Отечественной войны I и II степеней, двумя орденами Красной Звезды, медалью «За отвагу» и многими другими.

Мне кажется, что знание истории своей страны, ее военной истории воспитывает у молодежи благородство, сострадание и уважение к людям, которым наша Победа стоила здоровья, а то и жизни.

Артем Гаврилов
гр. 7072

В его пронзительной любви к окружающему миру — неравнодушие и боль

Босоногое военное детство

Когда началась Великая Отечественная война, моему дедушке Александру Федоровичу Астафьеву было 8 лет. Жил он в деревне Маковье (ныне Быково) на Псковщине.

Вот как он вспоминает свое безрадостное военное детство.

«Помню, как в клубе собрали народ и объявили о начале войны, как провожали на войну родных и близких... Мы шли провожать дядю Назара и дядю Михаила. Мама дала им с собой молитву Ангела-хранителя. И они остались живы...

Из-за приближения немцев колхоз начал готовить к эвакуации общественный скот. Табун погнали на восток. Но немцы уже начали бомбить дороги, и скот пришлось вернуть назад.

Александр Федорович Астафьев

Первая волна мобилизованных мужчин уже 28-го июня влилась в Красную Армию.

Примерно 20-21 июля немцы появились в деревне Маковье. Было теплое солнечное утро. Мама затопила печку. Вдруг мы заметили большую пыль на песчаной дороге, что шла от деревни Печково к деревне Быково. А через несколько минут появились первые немцы. Они ехали на велосипедах. Изредка в колоннах велосипедистов появлялись грузовые автомобили, украшенные красными полотнищами со свастикой, и мотоциклы.

В здании бывшей церкви немцы устроили наблюдательный пункт. В крыше прорубили окно и в бинокли вели наблюдение за западным берегом озера. Мы еще не знали тогда, что по кустарникам с той стороны озера пробивалась, видимо, в сторону поселка Куньи наша войсковая часть с обозом. Немцы перекрыли ей путь к деревне Турное, гнали наших к озеру. В деревне Турное состоялся бой. Среди сельчан началась паника, когда над деревней высоко с грохотом начали пролетать снаряды.

Наши пытались прорваться. Немцы били из пушек, корректируя огонь с церковной крыши. Наши пошли врукопашную. Жители деревни находились в самой гуще боя, прятались в заранее вырытых окопах. Слышались крики бойцов.

Часть наших солдат прорвала окружение немцев в деревне и вышла в заболоченные леса. Потом через деревню

Александр Федорович Астафьев

Печково повели пленных красноармейцев. Среди них был раненный русский командир с двумя шпалами в петлицах, его везли на повозке. Я вместе с другими, с расстояния двух метров, наблюдал колонну пленных, конвоируемую немцами. Некоторые были ранены в руки. Солдаты были молодые, необстрелянные, и нам, мальчишкам, их было очень жалко.

Когда бой в деревне Турное затих, люди вышли из укрытий и увидели страшную картину: везде лежали трупы наших и немецких солдат. По очень неточной оценке, наших было убито около 300 человек, немцев — вдвое меньше. Немцы для захоронения своих убитых выбрали пахотное поле. Каждого убитого хоронили в отдельной могиле, над которой ставили деревянный крест. Потом приказали населению убрать и похоронить трупы красноармейцев. После боя прошло несколько дней. Была жаркая погода, и трупы разлагались. Их тянули за руки и за ноги в общую яму. Братская могила советских солдат ныне отмечена безымянным памятником. Никто медальонов или других документов у убитых не брал. Они, наверное, до сих пор числятся, как без вести пропавшие.

Многие подростки из ближних деревень ходили за озеро. Был там и мой старший брат Василий. Везде были следы боевых действий. Бродили армейские лошади. Валялись шинели, сапоги, ботинки, винтовки, патроны. Убитых солдат хоронили там же, где они лежали.

Весь западный прибрежный кустарник до сих пор хранит безымянных погибших бойцов Красной Армии. Пали они в конце июля 1941 года.

Вскоре, несмотря на ошеломляющий успех, у немцев произошла стратегическая заминка, вызванная яростным сопротивлением наших войск в направлении на Великие Луки и Смоленск. Бои за Великие Луки вынудили немецкие войска перейти от движения вперед к сосредоточению и накоплению сил. Группе армий «Центр» верховным командованием был дан приказ приостановить наступление на Москву 30 июля и перейти к обороне с целью сосредоточения главных усилий на Северо-Западном и Южном фронтах.

Немцы эвакуировали все население из деревень, расположенных между озером Ордосно и рекой Усвяча. Несколько дней подряд шли немецкие войска на велосипедах, автомобилях; шли обозы, везли понтоны для прокладки мостов; иногда проходили танки и танкетки.

22 августа немцы нанесли сильнейший удар в стыке наших армий. Наши отступили. 23 августа танки противника прорвались в район поселка Кунья. Немцы хотели отрезать основные силы 22-ой армии от путей отступления на восток, окружить Великие Луки и уничтожить наши войска.

После прорыва фронта немцы разрешили эвакуированному населению вернуться в свои деревни, окрестности которых уже были заняты немцами. Были немцы и в деревнях, но домов не занимали. Когда я вернулся домой, то увидел, что срублена береза у нашего дома. Ее использовали для маскировки грузовой немецкой машины. Я очень переживал...

Деревенским колодцем немцы пользовались, как лужей. На поверхности воды плавали картофельные очистки и другой мусор.

В наших деревнях немцы вели себя сравнительно спокойно. В начале сентября они стали покидать наши деревни. Из кустарников и зарослей начали выходить группы солдат нашей армии. Стремительное наступление немцев в первые месяцы войны привело к окружению наших частей. Кто погиб, кто попал в плен, а некоторые смогли укрыться в лесах и начали потихоньку продвигаться из тыла немецких войск к фронту. Некоторые группы наших солдат-окруженцев были организованы в партизанские отряды. Однако боевых действий в наших деревнях они не вели. Поэтому наше население не испытало карательных мер со стороны немцев, за исключением поджога отдельных домов в деревне Турное после июльского боя.

Моя бабушка в русской печке тайно пекла хлеб для одной из подпольных групп. Назначенный немцами полицай Петр часто захаживал в чужие дома, высматривал, вынюхивал. Заметил он, что бабушка слишком часто и помногу печет хлеб. «Сказывай, кому хлеб. Партизанам?» Угрожал оружием, но бабушка не выдала.

В деревне Быково старостой был Алексей Козлов. Он был известен тем, что выдал немцам группу наших солдат. Говорили, что таких старост наши вешали или расстреливали. Но были среди старост и полицаев и хорошие люди, которые помогали нашим бедствующим солдатам в немецком тылу, то есть у нас.

К середине сентября немецкие войска полностью покинули нашу местность. По кустарникам валялся разный мусор, иногда встречались ценные вещи. Например, мы нашли фотоаппарат, полевой телефон. В местах боев нашли порох разных сортов и назначений: патронный, артиллерийский, ракетный. Все это было предметом забав детворы. Делали самодельное оружие, стреляли по стенам сараев, соревновались в дальности и меткости стрельбы. Не обходилось без травм, правда, незначительных.

Изредка по дорогам проходили немецкие машины. Власть же в деревне осуществлялась через старост и полицаев. В общем, у нас установилась тихая и мирная жизнь. В это время под Москвой шли кровопролитные бои, а в блокад-

ном Ленинграде от голода умирали сотни тысяч ни в чем не повинных людей. Но тогда нам, в деревенской глуши, где не проходили основные боевые силы наших и немцев, не были ведомы беды других советских людей.

Кунья была освобождена 22 января 1942 года. Примерно тогда же приехали к нам на конных санях красноармейцы. Ни одного отступающего немецкого солдата при этом мы не видели. Они в панике бежали по основным дорогам под ударами частей Третьей ударной армии, действующей в направлении Кунья — Великие Луки и Четвертой ударной армии, наносившей удар по направлению Жижица — Торопа — Велиж.

Летом 1942 года, как известно, основные военные действия были на юге СССР — на Украине. Немцы рвались к Сталинграду. На центральном и северном направлениях наступило затишье.

1 сентября 1942 года в возрасте девяти с половиной лет я пошел в первый класс Маковской начальной школы. Один год из-за оккупации я потерял.

Советская власть, несмотря на тяжелейшее положение, находила средства для обучения детей грамоте. Нам выдали новые буквари, тетради, карандаши, ручки и перья к ним. Конечно, учебников для всех не хватало. Приходилось объединяться с другими учениками. Учебники брали домой по очереди.

Людей в деревнях было много. Конечно, основная мужская рабочая сила была на войне. Но русские женщины умели делать все — и за себя, и за мужиков. Активно помогали подростки.

Не хватало лошадей: их забирали в армию. Землю пахали на коровах или просто копали лопатой.

Одевались в ту пору очень скудно. На ногах носили лапти из лыка липы или ивняка. Некоторые делали лапти из по-

крышек мелкого автотранспорта — легковых машин, мотоциклов. Чуть стает снег весной — мы уже босиком. Так осенью и весной в школу и ходили. И за партой сидели босиком.

Жизнь становилась все более голодной. Колхозы работали исключительно на фронт. Урожайность и колхозных, и своих полей падала. С личных дворов власть требовала в виде налогов все, что производилось. Даже коровий навоз надо было сдавать в колхоз. Земля скудела.

Весной люди перекапывали свои огороды, набирали мороженую картошку, из нее пекли нечто вроде котлет. Собирали листья липы, лебеды и другой зелени. Рубили, и из этой массы выпекали с добавлением горстки муки зеленые оладьи.

В те годы было много нищих. Ходили убогие, инвалиды от рождения, с психическими расстройствами, старухи, дети. И к нам заходили. Некоторые — издалека, просились переночевать. Давали ночлег на полу, на печке. Нищие, как правило, были завшивевшими, что способствовало распространению разных болезней — кожных чесоток, тифа.

Многие в деревнях переболели этими болезнями. У нас в семье переболели все. Особенно досталось мне. Мое тело, лицо, даже уши сплошь покрывали коросты. Ночами состояние ухудшали клопы, кое-где полностью забившие все щели на стенках, потолке и в печке. От вшей спасались мытьем и паркой в хорошо натопленной русской печи. В общественной бане было много людей, не хватало горячей воды.

Да, жизнь была очень тяжелой. Порой жалость одолевает до слез, когда я вспоминаю свое детство. Примерно так же жили все мои ровесники не только в нашем крае, но и во всей крестьянской России.

Когда я заканчивал третий класс, 9 мая в школу кто-то принес весть: «Конец войне!». Все закричали: «Ура!». Пре-

кратились уроки. Над крыльцом школы водрузили красное полотнище. Даже у нас, детей, было такое ощущение, как будто огромная, тяжелая ноша свалилась с плеч. Война длилась, казалось, бесконечно долго. Да что и говорить — половину нашей детской жизни! И вот конец. Тогда даже взрослые, а тем более мы, еще не знали и не осознавали всех результатов войны. А они, кроме, конечно, победы, были ужасны. И самый трагический результат — это безвозвратные людские потери. В каждой деревне — огромное количество погибших. Все без исключения вернувшиеся с фронта были ранены, большинство — калеки без рук и ног.

Несложная статистическая обработка опубликованных потерь по нашему краю показала, что около 60% всех потерь солдат — без вести пропавшие. Вот она наша российская расхлябанность! Конечно, кто-то попал в плен и безвестно сгинул в фашистском аду, кто-то бесследно сгорел, утонул. Но ведь многих хоронили, не взяв документы погибших, не зафиксировав акт смерти товарища, нашего солдата.

Часто наши дети равнодушны к памяти прошлого. Вот в 1998 году приезжали женщины из Германии, искали могилы немецких солдат, погибших в бою в июле 1941 года за озером Ордосно. Плакали немецкие женщины, придя на поле погребения. А наши солдаты лежат безвестные в братской могиле близ деревни Турное да по зарослям побережья, и никто из родных не может их посетить.

После войны люди на сенокосах находили человеческие кости в разных местах. На братской могиле не указана даже, какая воинская часть вела бой в окружении противника».

***

В 1957 году Александр Федорович Астафьев закончил Ленинградский Горный институт, защитил диплом по специальности «Металлургия цветных и благородных металлов» и приступил к работе в Государственном научно-исследовательском и проектном институте «Гипроникель». В 1972 году защитил кандидатскую диссертацию с присвоением ученой степени кандидата технических наук. Он автор 130 научных трудов, 20 авторских свидетельств. В 1990 году, выйдя на пенсию, он с женой Александрой Флегонтовной поселился в своей родной деревне.

Александр Федорович сразу отказался от традиционной формы деревенской жизни — захолустной и примитивной. Астафьев принадлежит к творческому типу людей. А они менее всего замкнуты на себе. Большую часть жизни он прожил в городе, но постоянно поддерживал тесные связи с родной деревней, где и предполагает закончить свой жизненный путь.

В деревне он живо вбирает проблемы окружающего мира. Его доброжелательное отношение к жизни неистребимо и заразительно. В его пронзительной любви к окружающему миру — неравнодушие и боль. Боль за свою малую родину, да и за всю Россию.

«Мир прекрасен! Все гармонично, красиво и мудро устроено. Всевышний создатель есть! Как прекрасна жизнь! Люди! Я люблю вас! Да, ощущение прилива счастья, легкости, полета, любви ко всему живому бывает. И оно возникает не только от моментальной удачи, но и от красоты окружающей природы нашего прекрасного, но забытого, заброшенного края. До боли сжимается сердце, когда видишь убогость жизни, культуры и смерть русских деревень без видимых просветов в будущем».

Сергей Иванович Яковлев

Е. Б. Анфимова
ассистент кафедры «Дизайн»

Это было последнее, что наша семья знала о Сергее Ивановиче в течение 67 лет

Возвращенный из небытия

Сергей Иванович Яковлев, мой дед по материнской линии, родился в 1911 году, в деревне Дубровка Шеребутского сельсовета Ленинградской (сейчас Новгородской) области. В 1936 году женился на Сенихиной Елене Ивановне, уехал жить в поселок Крестцы. В 1938 году у Сергея и Елены родился сын Борис, в 1940 — дочь Валентина, моя мама.

По воспоминаниям бабушки Сергей Иванович был человеком мягким, добрым, очень любил детей, был хорошим хозяином, играл, будучи самоучкой, на гармони: веселил по праздникам молодежь, собиравшуюся на танцы в сельском клубе. Работал он обходчиком-путейцем на железнодорожной станции; затем в Старой Руссе получил профессию шофера и к 1941 году работал

в Крестецком лесхозе. Жилось семье нелегко, но Сергей и Елена были молодыми, строили планы на будущее, справлялись с хозяйством, ребятишками, забрали в свою семью из деревни уже пожилых родителей.

В марте 1941 года Сергей Яковлев был призван на сборы военнообязанных. Они должны были продлиться всего два-три месяца. Ему нужно было сесть на поезд, который от крестецкой железнодорожной станции должен был доставить таких же, как он военнообязанных, в пункт назначения.

Бабушка помнит, как поезд уже тронулся (станция находилась через одну улицу от дома, и отходящий поезд было хорошо видно и слышно), а Сергей все стоял в комнате и смотрел на спящую девятимесячную дочку, как бы предчувствуя, что никогда ее больше не увидит. Потом побежал огородами к набирающему ход поезду и запрыгнул на подножку. Это было последнее, что наша семья достоверно знала о Сергее Ивановиче в течение 67 лет. Никаких писем или других сведений о муже Елена Ивановна больше не получала.

В июне 1941 года началась война. Известий о судьбе Сергея Ивановича по-прежнему не было. Все попытки узнать что-либо ни к чему не приводили. Всю войну он числился без вести пропавшим. Только после войны, 25 февраля 1947 года, военкомат выдал Елене Ивановне справку, где говорилось, что ее муж погиб в 1941 году в германском плену. Вот такая короткая справка — ни места смерти, ни места захоронения не значится.

У нас и сейчас хранится эта ветхая, пожелтевшая бумажка. Мама рассказывала, что очень долго не верила, что ее отец погиб. Никаких подробностей его смерти не было известно, а после войны часты были случаи, когда возвращались те, кто уже не числился в живых, и она в глубине души надеялась на чудо. Но чуда не произошло.

Спустя 67 лет, в 2008 году, благодаря публикации военных архивов, мы смогли по документам более или менее достоверно восстановить судьбу моего деда. Чтобы рассказать о том, что нам стало известно, вернусь к началу истории.

Итак, 8 марта 1941 года Яковлев Сергей Иванович был призван на очередные военные сборы Крестецким РВК и отправлен, вероятно, под Ленинград, где, как указывают другие документы, Киришский ОГВК Ленинградской области определил его в воинскую часть, в стройбатальон. Этот стройбатальон к началу войны, 22 июня, оказался под Ригой. Можно предположить, что задачей части № 322 было возведение укреплений по линии фронта.

Военные действия в Прибалтике начались 22 июня. Как свидетельствуют документы, отражающие положение дел на советской границе в эти дни, на Северо-Западном фронте военному командованию не удалось создать выраженной оборонительной группировки. Прибывавшие с большим опозданием к линии фронта части Советской армии вводились в бой без достаточного количества артиллерии и боеприпасов. Поэтому они терпели огромные потери. Практически не встречая сопротивления, к 29 июня немцы были уже под Ригой. Именно 29 июня 1941 года в Риге, согласно документам, Сергей Иванович попал в плен.

Дальнейшую судьбу моего деда (тогда, в 1941 году, 15 июня, ему едва исполнилось 30 лет), можно восстановить по карточке военнопленного, переданной немецкой стороной Минобороны РФ. Фотографии ее лицевой и оборотной стороны опубликованы на сайте ОБД-Мемориал. На ней с немецкой аккуратностью указаны имена и фамилии самого Сергея и его родителей, место и дата рождения, профессия, воинское звание, семейное положение и имя жены. Указан даже адрес, куда можно отправить о нем информацию. Зафиксированы место и дата пленения, и даже особые приметы — рост, цвет волос и глаз. Все эти данные впоследствии были обработаны в военных архивах, переведены на русский язык и надписаны на самой карточке. Не переведена только неразборчивая надпись, в которой говорится что-то о правой руке (предположительно, о ранении). На обороте — дата смерти — 8 ноября 1941 года.

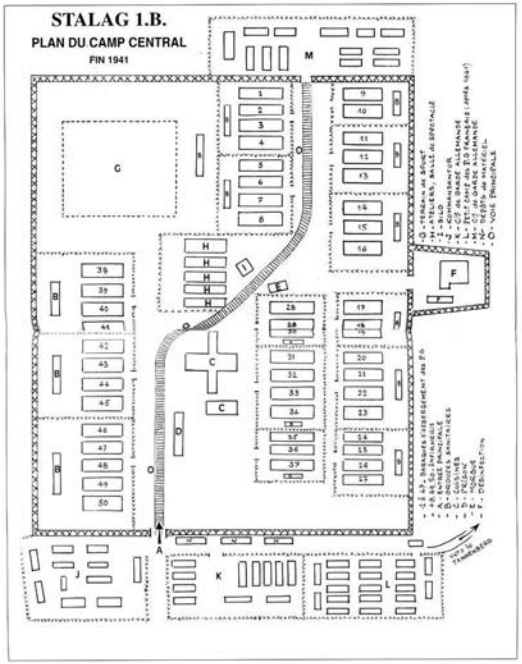
Мы нашли также информацию о том концлагере, в котором оказался Сергей. Лагерь этот назывался Хоенштайн Шталаг-IБ, и располагался на территории современной Польши, в деревне

Круликово, в двух с половиной километрах от города Ольштынек. Это место находится в 150 км от современного Калининграда.

Как мы узнали, концлагеря были нескольких типов. Для офицерского состава — «оффлаги», для рядового — «шталаги». Делились они также на лагеря смерти и обычные концентрационные лагеря, в которых военнопленные использовались как рабочая сила.

Сергей Иванович оказался в обычном концентрационном лагере для рядового состава, который одним из первых был построен недалеко от границы Польши и СССР ко времени начала войны. Узники Шталага-IБ трудились в основном на военных заводах фирмы Ауто Унион АГ вместе с военнопленными из разных стран Европы и бывшего СССР. Многие из них, не выдержав тяжелейших условий жизни и работы, заболевали. Их отправляли в лазарет, организованный в 1941 году. Но там, особенно для больных их Советского Союза, санитарные условия и медицинское обслуживание были на таком низком уровне, что смертность непрерывно росла.

Схема лагеря Хоенштайн Шталаг IБ



Вероятно, в связи с ранением правой руки в таком лазарете мог оказаться и Сергей Иванович. Умерших в лазарете пленных хоронили на ближайшем деревенском кладбище, а позднее организовали специальное, Лесное кладбище.

Всех прибывающих в Хоенштайн Шталаг-IБ военнопленных тщательно документально фиксировали, и даже помещали фотографию на карточку военнопленного.

Только на карточке Сергея фотографии не оказалось:

Шталаг-IБ, Хоенштайн. Зима 1942 года. Незадолго до этой даты (в 1941 году) здесь умер мой дедушка.

источники свидетельствуют, что в первые дни войны царила неразбериха, система оформления огромного числа прибывающих военнопленных еще не была хорошо отлажена. Не успели, словом, сфотографировать Сергея для карточки военнопленного...

По этой карточке стало возможно найти место его захоронения — Лесное кладбище, деревня Круликово, Варминско-Мазурское воеводство, Польша. Сейчас это военное кладбище в Польше полностью реконструировано, на братских могилах установлены плиты с перечислением имен и дат жизни погребенных здесь людей. Под одной из таких гранитных серых плит был похоронен 69 лет назад мой совсем еще молодой, тридцатилетний, дедушка.

Когда мы нашли все эти данные, уже не было с нами бабушки, поэтому она так и не узнала ничего о судьбе Сергея. Мы очень благодарны тем людям, при помощи которых нам удалось выяснить обстоятельства, предшествующие смерти Сергея Ивановича, а также место его захоронения. Те эмоции, которые мы снова пережили, подняв эту информацию, можно передать словами песни В. Кубышко и А. Вулых «Пропавшим без вести», цитату из которой я приведу в завершение своего рассказа.

Лазарет в Шталаг VI-A

Лесное кладбище Хоенштайн-Эрнсталь

Не зажечь свечи за здравие, и нельзя в помин души,
Мне досталось испытание быть ни мертвым, ни живым.
И взлетев в объятья вечности, словно птицы над рекой,
Мы в бою пропали без вести, не найдя в земле покой.
Мы не погибли, мы просто ушли, просто ушли в небеса
На безымянных высотах земли наши слышны голоса.
Будут вечно наши матери ждать о нас любую весть,
Все, кто веры не утратили в то, что мы на свете есть.
Не живые и не павшие, не пришедшие с войны,
Просто без вести пропавшие сыновья своей страны.

Павел Ершов, Николай Никифорович Смирнов, Александр Баталов

Александр Баталов
Павел Ершов
Андрей Богданов
гр. 8041

Всем смертям назло…

Николай Никифорович Смирнов, уроженец Любытинского района Новгородской области, в 1940 г. закончил неполную среднюю школу (7 классов). Несколько месяцев проработал завклубом, где собиралась вся молодежь. После этого с инструктором по противовоздушной химической обороне, присланным из Ленинграда, был направлен в поселок Неболчи Любытинского района на курсы подготовки инструкторов непосредственно на месте. Занимались изучением средств обороны, отравляющих веществ, которые создавались в то время. Учили на практике, как дегазировать местность после ее поражения ипритом. Были кружки: ГТО, «Ворошиловский стрелок» и др.

Затем Николая Никифоровича направили на учебу по профилю слесаря-инструментальщика в Кириши, где готовили разных специалистов. Когда к Посаднику подошли немцы, училище эвакуировали.

Николая Никифоровича призвали в истребительный батальон при НКВД в должности командира взвода. Батальон занимался охраной боеприпасов, которые подвозились к фронту, общей подготовкой к ведению боевых действий. Одним из боевых заданий нашего ветерана стала охрана немецкого танкиста, взятого нашими частями в плен и доставленного на территорию истребительного батальона.

В феврале 1942 года Николай Никифорович был зачислен в ряды Красной Армии в д. Неболчи, откуда его вместе с другими новобранцами отправили в Ларьян-торфострой (шли пешком, ночами, дабы не попасть под обстрел). Там он закончил курсы снайперов, и вскоре был отправлен на фронт в поселок Добровольный Киришского района, где новобранцы приняли первое боевое крещение.

Была дана задача овладеть вражескими траншеями. 1 мая 1942 года начались военные действия, но неудачно. Были большие потери, пришлось занять оборону и через 13 дней, 14 мая, Николай Никифорович получил первое ранение — осколком снаряда в ногу (родным была отправлена первая похоронка). После лечения в госпитале он попал обратно в свою же часть.

В 1943 г. его избрали комсоргом стрелкового батальона численностью 120 человек. Как раз в этот период встал вопрос об освобождении Великого Новгорода от немецко-фашистских захватчиков.

Перед боем наш ветеран должен был подбадривать личный состав и выбрать знаменосцев, которые смогли бы вдохновить наступающих. Стрелковый батальон Николая Никифоровича отправили на прорыв вражеской обороны, единственный путь к которой преграждал земляной вал, но, благодаря действиям подоспевшего танка, в преграде была пробита брешь, через которую и прошли красноармейцы. Несмотря на то, что герой нашего рассказа должен был находиться в командном пункте,

Павел Ершов, Николай Никифорович Смирнов и Андрей Богданов

он все равно пошел в бой плечом к плечу с солдатами. Через некоторое время Николай Никифорович получил второе ранение, на этот раз более серьезное: пуля прорвала кишечник и вышла через крестец (родным была отправлена вторая похоронка). Но он выжил. Его направили в госпиталь и настаивали на операции, которую впоследствии сделали без его согласия. Затем отправили в Боровичи, где сделали повторную операцию. После второго ранения Николая Никифоровича категорически не пускали на фронт и отправили в Удмуртию в госпиталь на восстановление, где он пробыл 5 месяцев. От предложения остаться при госпитале Николай Никифорович отказался и попросил отправить его домой к больной матери.

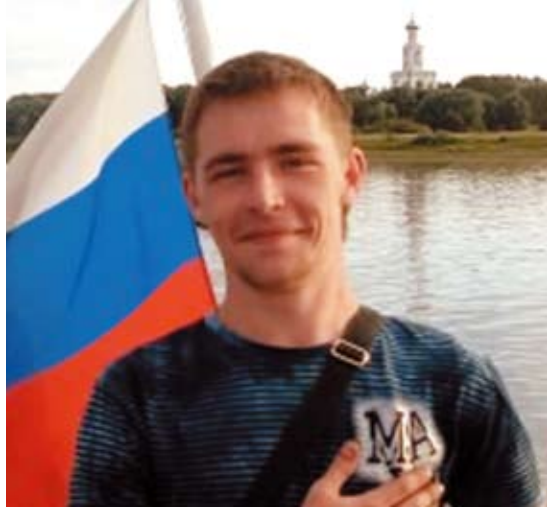
В 1943 году он, будучи комсомольцем, вступил в ряды Коммунистической партии.

После окончания Высшей партийной школы ЦК в Ленинграде по направлению партийных органов работал в Хвойной, в Пестово, в Окуловском районе.

Н. Н. Смирнов награжден многими государственными наградами: орденом Отечественной войны 1-ой степени, орденом «Славы» 3-ей степени, орденом «Знак почета», медалью «За отвагу» и др. В 2008 году награжден почетным знаком «За заслуги перед Великим Новгородом». 31 мая 2010 года ему присвоено звание «Почетный гражданин Великого Новгорода».

Владимир Чежегов
гр. 7061

Я преклоняюсь перед старшими поколениями за то, что они сохранили страну и дали нам будущее



Мы не подведем!

С участником Великой Отечественной войны Поляницей Николаем Максимовичем мы беседовали у него дома. Встретил меня очень спокойный, приветливый, интеллигентный человек.

Николай Максимович говорил не столько о боях и сражениях, сколько о довоенном времени, о суровых военных буднях, о людях в военном быту — словом, о том, о чем мне больше всего хотелось услышать.

Интересный рассказчик и большой оптимист, он во всем находил светлые стороны.

Воспитание до войны, по словам ветерана, было на очень высоком уровне. Сквернословия практически не было. В присутствии нескольких человек оно было явлением крайне редким. Это могли позволить себе молодые люди только в тесной дружеской компании, да и то в исключительных случаях.

Ветеран высказал очень важную мысль. Может, и не новую для меня, но раньше я как-то об этом особо не задумывался. Победа над фашистами стала возможной только потому, что на защиту родины встал весь советский народ. Не все держали оружие в руках, но вклад простых людей огромен. Они днем и ночью стояли у станков и ничего не жалели для солдат, которые ежедневно под-

вергали опасности свою жизнь. Помогали им, чем могли: вязаными вещами, продуктами. Сами жили впроголодь, отправляя на фронт последний кусок хлеба. И мы все должны быть благодарны тем, кто в далеком тылу ковал своим трудом и своим участием нашу Победу.

Служил Н. М. Поляница в войсках связи на севере страны. В военных операциях не участвовал, но его служба была очень важна, нелегка и опасна. Многие километры приходилось вышагивать с аппаратурой, которая весила десятки килограммов. Как-то раз провалился под лед, но выбрался сам — сослуживцы помочь не могли.

Поляница Николай Максимович

«Вот идешь, — вспоминает ветеран, — десяток-другой километров и не знаешь, сможешь ли в случае необходимости связаться с базой. На участке в 10-20 километров где-то оборваны провода. Место обрыва нужно найти и починить. Тогда ведь техника была не такая, как сейчас. Но в силу служебного долга всегда справлялись».

Служили дружно, конфликтов среди товарищей не было. Рядом тундра, все белым-бело. Охраняли стратегически важные объекты. Поэтому на фронт не отпускали, хотя ребята сами туда рвались. Объясняли, что служить надо там, куда определили, и что служба связи не менее важна, чем другие войсковые части.

Николай Максимович произвел на меня впечатление исключительное. С таким добрым, вежливым человеком всегда очень приятно разговаривать. Он показал мне на карте места, где проходила его служба.

После службы в армии Поляница жил в Москве, работал на «Мосфильме», затем переехал в Великий Новгород. Занимал ответственные посты в различных организациях, работал в НовГУ в здании нынешнего Гуманитарного института.

На прощание мы обменялись теплыми словами. Приятно сознавать, что рядом с нами живут такие прекрасные люди. Я преклоняюсь перед старшими поколениями за то, что они сохранили страну и дали нам будущее. У них есть чему поучиться. Мы не имеем право их подвести, и мы не подведем! То, что пережили наши деды и прадеды, наши бабушки и прабабушки в годы войны, не должно повториться. Именно для этого они так старались! Они жертвовали своей молодостью, а часто и жизнью, ради нас, и мы должны их за это уважать, ценить, должны заботиться о них, уделять им больше внимания, никогда о них не забывая. В общении сочень пожилыми людьми нам иногда не хватает терпения и такта. Мы не всегда помним, что, в силу возраста, им нелегко живется.

Нам надо быть более уступчивыми, идти им навстречу, помня о том, что они сделали для нас, в какой тяжелой войне выстояли. И даже если кто-то из них не был на фронте, все они, без исключения, достойны нашей благодарности — ведь они поднимали и развивали страну, вкладывая в это все свои силы.

Благодаря этим людям, мы живем, развиваемся, идем в будущее! Их победа — в каждом последующем поколении!

Спасибо! Низкий вам поклон, дорогие ветераны!

Сергей Фатеев
гр. 9041

Были тяжело раненные солдаты, которым она из-за своего бессилия не могла смотреть в глаза

Женское лицо войны

Роза Мартыновна Баева родилась в Подмосковье, семья была большая — 6 человек. Отец ее был мельником, потом его раскулачили за то, что у них было две коровы и своя мельница, в которой он молол муку для всей деревни. После этого отец заболел и вскоре умер, и мать одна воспитывала трех маленьких детей.

Роза Мартыновна вспоминает:

«Начало войны — страшное для меня время. Мои сестры пошли в военкомат, и их взяли на фронт, а меня не брали из-за того, что я была совсем еще молоденькая, меньше 17 лет. И я пошла в местный партизанский отряд. Я, 4 девушки и еще 17 работников местной администрации тушили пожары, которые возникали от разрывов авиационных и артиллерийских бомб, собирали для раненых теплые вещи.

Роза Мартыновна Баева

25 октября немцы заняли города Руза, Волоколамск и Скирмановские высоты. Там на вершинах холмов шли очень трудные бои. Немцы заняли господствующую высоту 264, на которой располагалась маленькая деревушка; там враг обосновался и устроил хорошую оборону.

Эта деревня стала преградой для танковой бригады, которая спешила на поддержку к Москве. Перед командованием встала задача: добыть информацию о количестве стоявших в деревне танков. Наш командир обратился за помощью к моим подругам — они отказались, а я согласилась! Командир бригады сказал, что информация, которую я добуду, нужна уже к 6 утра, т. к. в это время начнется наступление на деревню. Путь был неблизкий, и меня подвезли ребята на полуторке.

Я прибежала в деревню, начала считать танки, стоявшие в деревне, и там я увидела молодого парня, солдата Красной Армии. Он был штрафником. Его, как и меня, послали считать танки в деревне, только с другой стороны движения танковой бригады на Москву. Мы обменялись данными, и вышло, что в деревне стояло около 18 танков. Больше друг друга мы не видели.

Я побежала в деревню, где стояла танковая бригада. Ночь, вокруг враги, спотыкалась, падала, дорога к той деревне была длинной, около 7 км. Я успела вернуться к 5 утра, ко-

Выездное расширенное заседание Городского совета ветеранов, посвященное вопросам патриотического воспитания, в конференц-зале Политехнического института.

мандир поблагодарил меня за информацию, которая очень пригодилась, и мне предложили остаться у них в качестве медсестры».

Утром начался бой, земля и небо горели под ногами и над головой, потому что работали артиллерия и установки «Катюша». Надо было спасать раненных в этом бою солдат, а они были еще молодые, всего по 17-18 лет. Никто не хотел умирать, и Роза, как могла, поддерживала всех, утешала, говорила, что все будет хорошо, хотя не каждому могла помочь. Были тяжело раненные солдаты, которым она из-за своего бессилия не могла смотреть в глаза. Были среди солдат и настоящие герои, один боец уничтожил 11 немецких танков. После того, как его танк подбили, и героя вытащили наружу, все решили, что он мертвый — так он был изранен. Но он остался живым, и погиб только в следующем бою. Посмертно был удостоен звания Героя Советского Союза.

«В следующем бою, — рассказывает Роза Мартыновна, — нашу часть разбили «в пух и прах», и нас направили под

Москву в село Бабушкино на формирование. Там был санаторий. Когда нас собрали, прибыли новые танки. Нашу часть сформировали и отправили на 2-ой Белорусский фронт. В освобожденном Витебске в развалинах дома нашли письмо. 15-летняя дочка писала своему отцу, рассказывала о детских концлагерях. Детей не кормили, и голодные дети умоляли приезжих баронов их купить. Немецким баронам разрешалось покупать в одни руки по 50 детей! Ужас!

После этого наша часть дошла до Кенигсберга. На передовой было трудно, жили в землянках, зимой было очень холодно, недоедали, недопивали. Бывало и такое: когда начиналось наступление, сутками дрожала земля, и мы сутками оперировали, спасали жизни раненым солдатам. Палатки располагались в лесу, и в них мы оперировали. Как-то раз так близко взорвался снаряд, что меня откинуло на колючую проволоку, и я порвала себе щеку. Но мне ее быстро зашили, все обошлось. Это было первое и единственное мое ранение на войне».

Самый тяжелый и запомнившийся бой был под Лиозно. В этом бою приходилось ходить по окопам и дезинфицировать солдат. Когда у них была температура, накладывали мокрые полотенца.

После этого боя Розу еще раз на те же места подвезли знакомые солдаты. Там на опушке росла брусника, которая казалась ей капельками свежей крови. Вот такой страшный бой был под городом Лиозно. О нем ветеран даже не хочет вспоминать.

Как-то в Германии солдаты поймали корову. А доить никто не умел. Вот Роза на войне и научилась доить корову.

К бою всегда были готовы. Если не было боев, готовили бинты, тампоны, зажимы, стерилизовали инструменты.

О капитуляции Германии Р. М. Баева узнала в городе Васенштайн 8 мая 1945 года в 16.00. В этом городе расположилась их часть при взятии Кенигсберга.

Розе посчастливилось выжить на войне, а вот ее брат Александр погиб.

Роза Мартыновна Баева награждена орденом Красной Звезды, медалью «За боевые заслуги» и др.

А на высоте у деревни Скирманово в ее честь установлен памятник «Солдат и девушка» с надписью «Роза-разведчица».

***

Отрывок из письма, найденного в развалинах Лиозно. Пишет дочь офицера своему отцу.

«13.03.43 года. Лиозно.
Дорогой, добрый папенька! Пишу тебе письмо из фашистской неволи. Когда ты будешь его читать, меня уже в живых не будет. Это вещает твоя умирающая дочь. Когда вернешься домой, маму не ищи. Ее расстреляли немцы, они спрашивали о тебе, мама не сдержалась и громко крикнула: вы меня не запугаете битьем, я умираю, но мой муж придет и расправится с вами, вышвырнет вас отсюда вон. Офицер взял пистолет и выстрелил маме в рот. Мне сегодня исполнилось 15 лет, но если бы ты увидел меня, то не узнал бы, что это твоя дочь. Я стала очень худенькая, мои глаза ввалились, косички обстригли наголо, руки высохли. Когда я кашляю, изо рта идет кровь. У меня отбили легкие, я рабыня помещика барона Шаулена. Работаю у них прачкой, стираю белье, мою полы, работаю очень много, а ем 2 раза в день из корыта, с двумя хозяйскими свиньями. В комнаты мне входить нельзя. Один раз мне горничная, полька Юзефа, дала кусочек хлеба, а хозяин увидел и долго бил ее за это. Два раза я убегала от хозяев, но меня находили. Барон срывал с меня платье, бил ногами и бросал в подвал. Сегодня мне Юзефа сказала, что нас угоняют в Германию. И я решила, что лучше умереть на родной сторонушке, чем быть втоптанной в чужую землю. Только смерть спасет меня от побоев. Завещаю, папа: отомсти за маму и за меня. Прощай, дорогой папенька, ухожу умирать. Твоя дочь Катя Сусанина. Мое сердце верит, что письмо дойдет».

«Солдат и девушка». Роза-разведчица

Евгений Давыдов
гр. 7041
Виктория Бедрина
гр. 7381

Ей часто вспоминается война

Клавдия Ивановна Абрамова (в девичестве Булатова) родилась в Смоленской области в 1929 году. В 1935 умер отец, и остались у мамы на руках три дочки. Клава — самая младшая. Когда началась война, ей было 11 лет.

«Деревня находилась в 180 км от Москвы, и немцы ее оккупировали в первые месяцы войны. Бывало, приедут, с пистолетами, шарят везде, как у себя дома. Мама даже пчел прятала, сеном накрывала.

Недалеко от деревни часть наших войск попала в окружение. Когда солдатам удавалось оттуда сбежать, сельчане старались им как-то помочь. В семье Булатовых жил один парень — выдали его за брата. Но потом на него кто-то донес. Парня увели, и, что с ним случилось дальше, никто не знает. Одного бойца, вырвавшегося из окружения, немцы поймали и повесили на дереве посреди деревни. Так и висел — мужчин-то не было, чтобы снять. Потом уже сами немцы сняли труп, и закопали.

Когда фронт подошел совсем близко, и стреляли прямо через деревню, жить перешли в овощехранилище. Как-то пришли немцы, дали час на сборы и погнали всех по этапу подальше от линии фронта. Булатовы тоже пошли и повели с собой корову, а по дороге вдруг стали обстреливать наши. Почему так получилось, непонятно. Бросили все вещи и побежали врассыпную. Корова, правда, осталась.

Пригнали нас в город Гжатск (Гагарин), — рассказывает Клавдия Ивановна, — накормили. Сколько-то пожили там, и опять нас погнали — на этот раз в Германию. Хорошо хоть, что все мы были вместе — мама и трое детей. Сначала — это было осенью 1943 года — отправили в Белоруссию, а потом дальше — в Восточную Пруссию. Определили нас к какому-то фермеру, недалеко от Кенигсберга. Жили мы у этого хозяина, как прислуга, работали, где велят: и огород пололи, и убирали, и посуду мыли. И больше всего ждали, когда же придут наши. Несмотря на то, что многие после войны там и остались, мы чувствовали себя чужими, неполноценными людьми. Только и говорили: «Вот придут наши, освободят».

И, наконец, наступил февраль 1945 года. Шли бои за освобождение Европы. Как-то мы прятались в подвале, и вдруг услышали русскую речь — наши. Вышли. Нам сказали, куда идти, и, конечно расспрашивали, как мы сюда попали. А потом предложили: хотите — оставайтесь, работайте, хотите — уезжайте домой. Так мы, все четверо, и стали работать в передвижном госпитале действующей армии. Когда закончилась война с Германией, перебросили нас на Дальний Восток, а в 1946-м уволили по расформированию части, и мы поехали домой.

Наша деревня была полностью разрушена, жили в другой, а потом уже переехали в знакомый нам Гжатск, где и поселились в бараке бывшего лагеря для военнопленных. Жили там до 1955 года. Ну, а там уже я вышла замуж, и мы с мужем уехали на Север.

Конечно, война изменила всю мою жизнь и наложила отпечаток на мой характер. После войны на всех, кто был в оккупации, будто клеймо стояло. Даже не во все учебные заведения можно было поступать. Это сейчас все изменилось, и с 1985 года я стала пользоваться льготами ветерана войны».

Когда у Клавдии Ивановны бывает бессонница, ей вспоминается война, и тогда она молит Бога только об одном: чтобы никогда не повторилось то страшное время, чтобы детям и внукам не довелось пережить того, что пережила она.

Наталья Баскакова

Фото, письмо и похоронка

Как рождается чувство сопричастности к нашей общей истории? Во времени Великая Отечественная война уходит все дальше. Что об этом знают сегодняшние студенты?

Старая фотография, пожелтевший лист бумаги, где райвоенком Голубев сообщает Егору Андреевичу Егорову о смерти сына, Егорова Николая Егоровича.

Люба Мочалова нашла все это в семейном альбоме. Егор Андреевич — ее прадедушка, Николай Егорович — ее двоюродный дедушка. Уроженец деревни Удовищи Хвойнинского района Новгородской области, он ушел на фронт, когда позвала страна, наша Россия.

Люба Мочалова

Война прокатилась, кромсая все на своем пути. Николай Егоров навсегда остался молодым, 24-летним. Вместе с ним ушли так и не наступившая зрелость, и слезы девушки, так и не ставшей его женой и матерью его детей, и детский смех, и несостоявшаяся радость отцовства. Ему не довелось закрыть глаза своим родителям, вспахать поле, посадить дерево, построить дом.

Помнить — все, что мы можем сделать для них, оставшихся навсегда на войне. Остались несколько строчек в областной «Книге Памяти», выбитые имя и фамилия на стеле в деревне Анциферово Хвойнинского района. И его двоюродная внучка Люба, для которой память о тех, кто был на войне, стала еще и личным делом.

Как рассказала нам Алла Филипповна Булгакова, председатель Совета по воспитательной работе ИПТ НовГУ, студентка 2-го курса Любовь Мочалова (специальность «Дизайн») только за один последний месяц приняла участие в оформлении сразу нескольких стендов: «Давали клятву партизаны», «Над седым Волховом», посвященным освобождению Новгорода, и стенда о маршале К. К. Рокоссовском.

В Политехническом институте НовГУ много делается для того чтобы студенты не росли не помнящими родства иванами: встречи с ветеранами, поездки по местам боев.

Ведь если каждый из нас сделает какой-то конкретный шаг, внесет какой-то, пусть и небольшой, вклад в нашу общую историю, насколько интереснее и богаче будет жизнь!

Дарья Семенова
гр. 8071

Он способен был
найти выход
из любого положения,
не перекладывал
заботы на плечи
других и никогда
не жаловался
на трудности

Воевать и работать для Родины

Мой дедушка, Анатолий Николаевич Шлеев, когда началась Великая Отечественная война, вместе со своей матерью был эвакуирован в город Петровск Саратовской области. В ноябре 1941 года его направили в школу фабрично-заводского обучения номер 5 в городе Саратове.

После окончания ФЗУ он переехал в Петровск, где работал помощником мастера в ремесленном училище. В 1942 году был призван рядовым в 10-й полк.

С мая 1943 года по ноябрь 1944 года был курсантом 14-й школы младших специалистов. После окончания был переведен в 567-й штурмовой полк 198-ой штурмовой авиадивизии, в котором

и прослужил до окончания войны. Впоследствии дивизия стала именоваться Варшавской, а полку присвоили название «Берлинский». История этого полка описана в Большой Советской Энциклопедии.

Во время войны было много случаев, когда надо было проявить и мужество, и сноровку.

После демобилизации дедушка приехал в город Саратов к матери. Она всю Великую Отечественную войну работала в эвакогоспитале и после войны осталась в госпитале в Саратове.

Анатолий Николаевич Шлеев

Дедушка поступил учиться в Авиаторский техникум, где учился два года, потом переехал в Старую Руссу и учился заочно. В Старой Руссе поступил на работу на 123-й Авиаремонтный завод, где проработал почти 50 лет. Был награжден медалью за «Взятие Варшавы», «За Боевые заслуги», «За взятие Берлина», «За Победу в Великой Отечественной войне», Орденом Отечества V степени. И всеми юбилейными медалями.

От себя я бы хотела сказать, что мой дедушка — уникальный человек. Проявив мужество в столь раннем возрасте, дойдя до Берлина, он до сих пор остается очень мягким, добрым и понимающим человеком. Когда дедушка уходил с завода, многие его подчиненные плакали. Каждый день в возрасте почти 90 лет он чистит снег, носит дрова и работает по дому. Он до сих пор живет вместе с бабушкой, и они отметили в прошлом году золотую свадьбу.

Мне бы хотелось, чтобы история войны была не просто текстом, а фотоальбомом, хранящим жизни таких людей, как он! Это моя гордость!

А. Н. Шлеев

А. Н. Шлеев

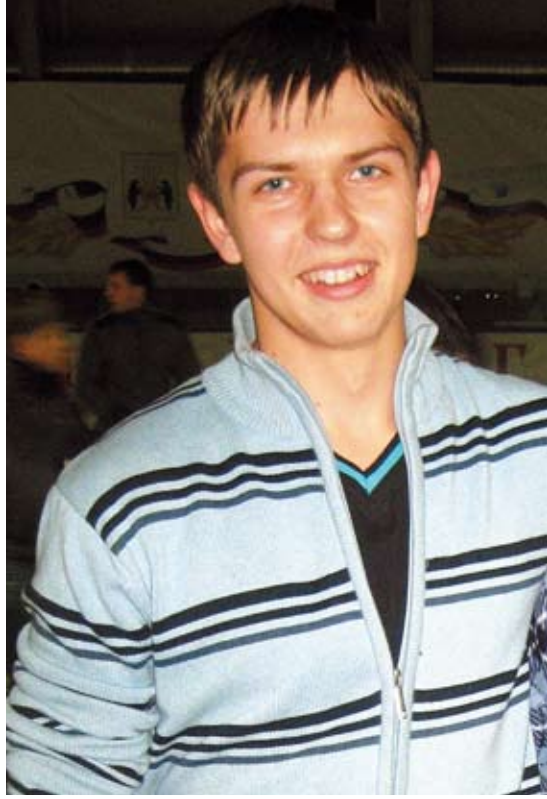
Вот, что написали о дедушке в книге об истории завода:

«Анатолий Николаевич Шлеев. Более трех десятков лет, вплоть до ухода на заслуженный отдых, он бессменно руководил механическим цехом. Это прекрасный организатор, принципиальный, требовательный к себе и к подчиненным, справедливый человек, к которому в коллективе относятся с большим уважением. Он способен был найти выход из любого положения, не перекладывал заботы на плечи других и никогда не жаловался на трудности.

За время руководства цехом он организовал освоение ремонта узлов и деталей двух типов двигателей и двух типов самолетов, внедрил множество технологических процессов, постоянно проводил реконструкцию участков, строил новые. Все годы цех ежегодно занимал призовые места в соцсоревнованиях. За успехи в труде Анатолий Николаевич награжден орденом Трудового Красного Знамени, юбилейными медалями, множеством почетных грамот и знаков. Он работал до 72 лет, но его памяти, уму и энергии завидовали даже молодые. Коллектив цеха уважал Анатолия Николаевича, и все любовно звали его «батя».

Сергей Фатеев
гр. 9041
Андрей Голубков
гр. 9061

Войну Василий Иванович встретил в тылу, узнал о ее начале только в четыре часа дня



Андрей Голубков

Мы всю Европу по-пластунски прошагали…

На военную службу Василий Иванович Захаревский был призван в 1940 году в городе Смоленске. Взяли его в танковый десант для прикрытия танков. Служить отправили в республику Эстония. 10-11 августа он уже находился в учебном полку. После учебы был переведен в действующую армию.

«К войне с фашистской Германией, — считает ветеран, — мы были готовы. Каждый день были учебные стрельбы, кроссы по 40 км. Но немцы тоже готовились. Каждое утро над нашими головами летал самолет-разведчик, но из-за Пакта о ненападении наше командование не разрешало его сбивать».

Василий Иванович Захаревский

Войну Василий Иванович встретил в тылу, узнал о ее начале только в четыре часа дня.

22 июня 1941 года Предстоятель Русской Православной Церкви Патриарший местоблюститель митрополит Сергий обратился с воззванием к верующим. В своем «Послании пастырям и пасомым Христовой Православной Церкви» митрополит Сергий говорил: «Фашиствующие разбойники напали на нашу Родину... Повторяются времена Батыя, немецких рыцарей, Карла шведского, Наполеона... Жалкие потомки врагов православного христианства хотят еще раз попытаться поставить народ наш на колени перед неправдой... С Божией помощью и на сей раз он развеет в прах фашистскую вражескую силу... Вспомним святых вождей русского народа, например, Александра Невского, Дмитрия Донского, полагавших свои души за народ и Родину... Вспомним неисчислимые тысячи простых православных воинов... Православная наша Церковь всегда разделяла судьбу

народа. Вместе с ним она и испытания несла и утешалась его успехами. Не оставит она народа своего и теперь. Благословляет она небесным благословением и предстоящий всенародный подвиг. Именно нам особенно нужно помнить заповедь Христову: «Нет больше той любви, как если кто положит душу свою за друзей своих».

«Сталин обратился к народу, — продолжает ветеран, — только 3 июля, через 12 дней после начала войны. Наш командир приказал держать оборону города, где располагалась наша часть. Я наблюдал ужасную картину: через дорогу был военный аэродром, где стояли фанерные истребители. Ни один из них не взлетел!

Так как поддержки не было, командир приказал нам отступать в Ригу. Но город уже был занят врагом. Решили отступать дальше, вглубь тыла. Шли до реки Западная Двина, попали в окружение; пересечь реку смогла только треть нашей дивизии. На том берегу встретили роту пограничников, у них были карты местности, и мы решили отступать вместе с ними. Отступали до первой полосы обороны Москвы под деревней Нелидово (сейчас Тверская область). Наше отступление длилось с июня 1941 до марта 1942 г.

В сентябре во время наступательной операции под Смоленском я получил легкое пулевое ранение в ногу. Несколько недель провел в военном госпитале, после чего вернулся в боевой строй. Я перешел под командование Киселева, который был в подчинении у Жукова».

Освобождение Европы шло успешно и без больших потерь, так как была мощная агитация. Друзья и сослуживцы Захаревского, как они говорили, шли «добивать раненого зверя».

Когда дивизия подошла к Одеру, заметили нашего солдата, стоявшего в карауле, и рядом с ним табличку: до Берлина — 140 км, до Москвы — 1690 км.

«Самое запомнившееся для меня событие, — рассказывает ветеран, — битва за Берлин. Это было самое тяжелое сра-

жение для меня и последнее сражение для всей фашистской Германии. В этой битве участвовали почти все жители Берлина: от 12-летних детей до стариков!»

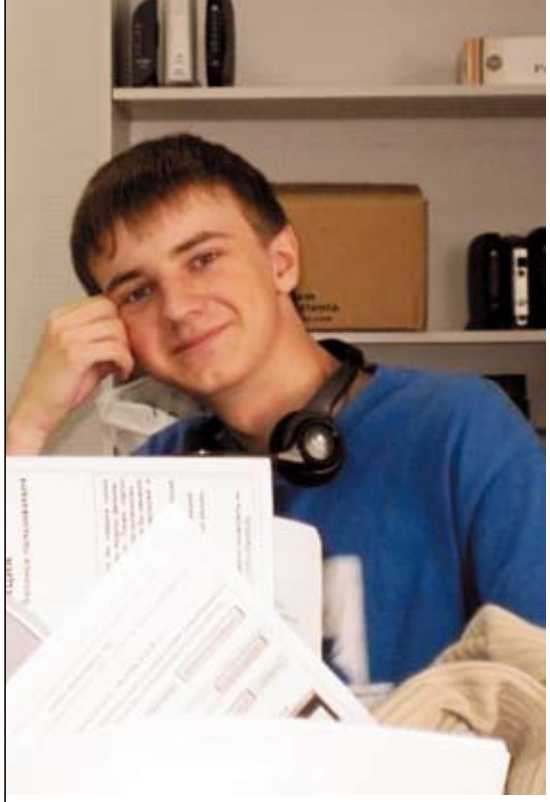
В Берлине Захаревскому выдали рацию, и он по совместительству стал радистом. Приходилось помогать в расчистке завалов, баррикад, для того, чтобы могли пройти танки. Наше командование части приказало остановиться на Александер-плац рядом с Рейхстагом, так как дальше были последние укрепления немцев, и они очень хорошо охранялись. Немецкие снайперы при малейшей возможности открывали огонь на поражение. Так был ранен его сослуживец, который вышел из-за угла всего лишь на полметра. Был приказ стоять и ждать, когда наши войска возьмут Рейхстаг.

Последним самолетом, улетевшим из центра города, был маленький пассажирский лайнер, который забрал жену и дочь какого-то генерала СС, причем этот самолет не сбили! Всего на взятие Берлина было брошено около 1 миллиона солдат Красной Армии.

Последние сопротивлявшиеся немцы говорили, что они лучше сдадутся солдатам США или Великобритании, чем русским, так как они боялись расплаты за свои зверства! Известие о взятии Берлина застало Захаревского в деревне близ Берлина 2 мая 1945 года.

Эту страшную, но победную войну он закончил в звании старшего лейтенанта Красной Армии 2026-й механизированной дивизии Армии Краснознаменного орденов Суворова, Кутузова и Богдана Хмельницкого полка. За взятие Берлина указом Президиума Верховного Совета СССР от 9 июня 1945 года был награжден медалью.

С Василием Ивановичем мы встретились у него дома и были очень тронуты тем, что к нашему приходу он надел парадный мундир со всеми наградами. Услышав, что он воевал под Ржевом, мы удивились такому совпадению: именно оттуда мы приехали в НовГУ. Ну как не поблагодарить случай за такую встречу?



Алексей Щербаков
гр. 9041

Путь от Берлина до дома был очень долог и непрост

Родом из войны

Никитина Людмила Анатольевна — одна из миллионов русских женщин, чья судьба была тесно связана с Великой Отечественной войной. Судьба ее сложилась очень сложно, и с самого детства она сталкивалась с различными трудностями.

Вот ее бесхитростный рассказ:

«Мои родители в числе мирных граждан были угнаны в период оккупации немецкими войсками из Новгородской области в немецко-фашистскую неволю в августе 1941 года.

Впервые они встретились в товарном вагоне состава, направлявшегося в Германию. Их семья сложилась в польском городе Граево, где они находились в лагере до апреля 1942 года.

Никитина
Людмила Анатольевна

Родилась я в марте 1943 года в поместье немца Доннера Келлера, где родители работали на хозяйстве. Поместье находилось в 60 километрах от Берлина в деревне Пессин. Взрослым приходилось тяжело, работали они до темноты, питались скудно.

В 1944 году умер дедушка Алексей, после того, как его жестоко избил хозяин. Ему было всего 49 лет. Я быстро научилась говорить по-немецки, так как везде слышалась немецкая речь. Моя мать рассказывала мне, что хозяйка упрашивала ее оставить меня в Германии, так как в их семье были только сыновья, а я была симпатичной белокурой девочкой.
В середине апреля 1945 года родилась моя сестра Валентина. Точная дата ее рождения неизвестна, но в свидетельстве о рождении стоит дата 1 мая 1945 года. 26 апреля 1945 года Красная Армия освободила нас от немецкой неволи, и начался длительный путь возвращения домой...

Путь от Берлина до дома был очень долог и непрост. Вагоны были переполнены, на Родину возвращались солдаты, пленные, узники. Среди них была и я. Вещи, которые мама взяла с собой, приходилось менять на продукты, чтобы как-то нас прокормить. Часто мирным жителям не хватало места в вагонах, приходилось долго дожидаться следующего поезда. На одном из переездов я тяжело заболела — воспалением легких. Моя мама рассказывала, что она уже и не надеялась довезти меня домой живой. Она проверяла мое дыхание зеркалом, если запотеет, то я еще жива...

Этот путь, который можно пролететь за час, длился долгих четыре месяца. Только в сентябре 1945 года мы переступили порог своего родного дома. Радость возвращения скоро сменилась горечью предстоящей голодной и холодной зимы.

В заколоченном холодном доме нас никто не ждал. Отец в это время продолжал службу в Красной Армии, поэтому маме пришлось туго: в доме не было дров, пропитания, а впереди — длинная, суровая зима... Мама просила у родных рожь, чтобы намолоть муки, но безуспешно. На зиму мы собрали много клевера, а зимой добавляли его в муку и пекли хлеб. Для нас сушеная морковка казалась очень вкусной, как конфеты. Мы пережили зиму, и жизнь начала налаживаться, а после того, как вернулся отец, мы зажили еще лучше.

Мое детство прошло в деревне Иванцево. Каждый день я вставала рано утром и шла 5 километров до школы в соседнюю деревню».

В юбилей Великой Победы Людмила Анатольевна была награждена юбилейной медалью.

Вероника Терещенко
гр. 90743у

Моей бабушке
Лидии Павловне
8 марта 1941 г.
исполнилось 17 лет

Наши девочки платьица белые раздарили сестренкам своим...

Моей бабушке Лидии Павловне Кондратьевой (в замужестве Маттенковой) 8 марта 1941 г. исполнилось 17 лет, а 21 июня, в субботу, она пришла на свой выпускной бал.

Вот как она вспоминала об этом в августе 2002 года:

«Помню, было немного грустно, все-таки уходили из школы, с тревогой думали о будущем. В то время поступить в институт было нелегко, были очень большие конкурсы.

На 22-ое июня в Валдае было намечено провести физкультурный праздник, он проводился в парке около больницы. Мы все собирались там с утра. Утром было солнечно, все улыбались. Смотрим — от кинотеатра «Темп» бежит кто-то из учениц (сейчас не помню, кто именно) и кричит: «Ребята, война, сегодня немцы напали на Советский Союз, и они уже у Черного моря». В то утро мы еще не поняли всей трагичности этого события. До этого в 1939 г. была война с Финляндией, это было далеко и не страшно.

Но тревога почему-то была у всех. Кто-то предложил пойти в райком комсомола, куда мы и двинулись, забыв о празднике. Там нам секретарь райкома сообщила о войне, в ее голосе чувствовалась тревога; тревожно было и нам.

Тут же нам предложили написать заявление на работу в госпиталь в качестве сандружинниц. И мы, все девчата, отправились в свою родную школу. Откуда-то появились и военные, которые руководили работой. Все парты, столы, доски — словом все, чем пользовались учащиеся, — было вынесено. Вмиг появились кровати, одеяла, подушки. Вся школа была вымыта, и к вечеру уже все классы выглядели, как палаты для раненых. С 22-го июня мы уже работали в госпитале. Дежурили сутками.

Первые дней десять, а, может быть, и больше, ходили на работу, как на отдых: брали с собой еду, ночью спали, разговаривали, смеялись. Но вскоре эта пора закончилась. Утром я пришла на работу и, уже подходя к школе, почувствовала необычный запах: крови, пота, грязи. На каждую сандружинницу приходилось по 3 палаты (класса). Мои классы были рядом с классами Лели Ротс. Мы с ней так растерялись, что решили пойти по палатам вместе.

Это было раннее утро, в палатах еще многие раненые спали. Мы обошли палаты Лели, и ее кто-то позвал. По своим палатам мне пришлось идти одной. Я зашла в свою палату, и тут меня поманил пальцем раненый. Лицо у него было забинтовано уже испачканным бинтом. Он мне стал знаками показывать на рот, на живот. Я ничего не понимала, конечно, была растеряна. Другой раненый меня выручил, сказал, что этот солдат ранен в лицо, и, пока они ехали в госпиталь, их по дороге кормили, а этот солдат есть не мог, и он, вероятно, хочет есть. В это время повязка с нижней части лица упала, и я увидела у своего больного дырку вместо рта, всю в запекшейся крови, и в ней висел язык, не знаю на чем.

Я заплакала, кинулась искать старшую медсестру. С большим трудом, захлебываясь от слез, я рассказала ей об

Лидия Павловна Кондратьева

увиденном. Она меня кое-как успокоила, сказала, что сейчас ему что-то приготовят и предложила мне самой его накормить, но я отказалась. Кто его накормил, я не видела. Но тут навалилось столько хлопот, что об этом уже было забыто. Тяжелораненых оперировали хирурги. Работали круглосуточно, и тяжелых сразу отправляли в тыл.

Так мы отработали в госпитале до сентября. Когда немцы были уже где-то около Демянска, из Валдая начали эвакуировать население, эвакуировали и госпитали. Нас, девочек, использовали на работе по отправлению и упаковке подарков для бойцов Красной Армии. Каждый вечер, начиная с 11 часов ночи, немцы бомбили железную дорогу, и как только начинали греметь немецкие самолеты, моя мама плакала и принималась собирать вещи. В результате, 11 сентября 1941 г. нас погрузили в открытые вагоны и увезли далеко, далеко. Мечты об учебе, о благополучной жизни закончились. И это уже была другая жизнь».

Валерий Александрович Могилев

Наталья Баскакова

Помнить, чтобы не повторить

В нашей недавней истории одна из ран, которая будет болеть остро, долго и надсадно — Афганистан. За что там воевали и погибали наши ребята? Ожесточенные споры ведутся до сих пор.

Ветераны военных действий в этом непростом международном ареале, где, кстати, пожар не утих и сегодня, живут среди нас.

В Политехническом институте состоялась встреча студентов с ветераном Афганистана Валерием Александровичем Могилевым.

Ровесники вывода советских войск из Афганистана и те, кто помоложе, слушали честные и откровенные размышления Могилева о человеке на войне.

Именно молодежь, возможно, должна будет решать, что произойдет с нашим миром в будущем. Поэтому темы национальной политики, интернационализма, роли командира и его исключительной ответственности за судьбу своих солдат особенно привлекли внимание студентов.

Скоро они сами станут военнослужащими. Военный приказ есть военный приказ, его надо выполнять.

Валерий Александрович рассказал о службе в Афганистане, о друзьях — однополчанах, со многими из которых поддерживает теплые отношения в течение последних десятилетий и которых считает самыми близкими своими людьми. Среди них были и армяне, и казахи, и чеченцы.... В тех давних событиях национальность роли не играла, были важны человеческие и гражданские качества и чувства.

Студенты Политехнического института с большим вниманием отнеслись к теме беседы. Валерий Александрович отметил гражданскую и нравственную зрелость студентов института и был тронут их способностью правильно воспринять непростые вопросы, которые приходилось решать старшему поколению в то противоречивое время. Студенты получили много полезных советов и ответы на свои вопросы.

Анастасия Казенина
гр. 9371

Каждый из них
внес свою строчку
в летопись великой
войны и Великой
Победы

И шли на подвиг партизаны

Нина Степановна Карасева (в девичестве Савельева) родилась в 1925 в деревне Светлицы Солецкого района в семье учителя. Ее мать умерла рано, отец остался с четырьмя малолетними детьми.

Летом 1942 года всех жителей оккупированной деревни немцы хотели отправить в Германию, но добровольно записались только 5 семей. Остальные, в том числе и семья Савельевых, ушли в лес. Так пятнадцатилетняя Нина оказалась в партизанском отряде, сначала 3-ей, а потом 5-ой партизанской бригады. Ее определили в хозяйственную часть: мыть посуду, варить еду, стирать белье, чинить одежду, морить вшей.

С продуктами поначалу было трудно. Убивали жирных немецких лошадей, тем и кормились. Долгое время не было даже соли,

потом ее с самолета сбросили в соседнюю деревню. Разведка иногда приносила хлеб, картошку, тушенку.

Когда уже вовсю полыхала война, партизаны минировали железную дорогу, пускали под откос вражеские эшелоны. В одном тяжелом бою на территории Псковской области отряд потерял сразу 70 человек. Подростки помогали выносить раненых с поля боя. Клали на шинель или одеяло и волокли до штаба. Врачей в бригаде не было, только фельдшер. Он мог зашить и обработать рану и прямо на месте сделать несложную операцию. Нина, единственная из девчонок, не боялась крови и во время операции всегда держала лампу. Тяжелораненых отправляли через Валдай и Хвойную в Ленинград. Лекарств не было. Лечились, в основном, травами, раны промывали марганцовкой. По ночам хоронили мертвых.

Пленных немцев, выполняя приказ, не расстреливали. Снимали с них теплое шерстяное белье, а на них надевали наше. Потом немцев отправляли в Валдай, а оттуда — на большую землю. Их дальнейшая судьба неизвестна.

Отступающие немцы сожгли деревню, и первое время после освобождения Новгородской и Псковской областей Савельевы жили в бане. Но они не унывали, все ждали конца войны. Сельсовет выдавал «хлебные карточки». Жить было можно, бывали и худшие времена.

Зимой 1945 года Савельевы переехали в Новгород и поселились в бывшем немецком бараке. Когда им вернули корову, продавали молоко и покупали хлеб.

Нина Степановна пошла работать: сначала — в трикотажную артель, а потом — на швейную фабрику «Весна», где целых 22 года проработала экспедитором-кладовщиком. Познакомилась с будущим мужем, который был строителем, восстанавливал разрушенный город. После свадьбы получили однокомнатную квартиру. В молодой семье родилось двое сыновей, растить которых помогала свекровь.

Уйдя на пенсию, Н. С. Карасева какое-то время работала администратором в общежитии.

В годы войны была дважды ранена. Имеет государственные награды.

Многие из нас, к счастью, не изведали всех бед, что выпали на долю наших дедов и прадедов, бабушек и прабабушек на фронте или в тылу. О мытарствах каждого рассказывать — навряд ли хватит и толстенной книги.

Нина Степановна Карасева

Сколько советских людей прошло через страшное горнило тех незабываемых лет! Слава Богу, многие из них еще живы, пусть уже и немощны: не только по вине старости, но и от пережитого. Точнее будет сказать — от нечеловеческих потрясений и напряжения, как физического, так и душевного. Каждый из них внес свою строчку в летопись великой войны и Великой Победы.

Низкий им поклон!

Марина Шарыпина
гр. 9041

Когда началась война, моей бабушке Шарыпиной Лилии Алексеевне было 17 лет

Они подняли город из руин

Когда началась война, моей бабушке Шарыпиной Лилии Алексеевне было 17 лет. Она жила в деревне Новоселицы Новгородского района, была комсомолкой.

В начале войны комсомольцев посылали в Валдай на строительство оборонительных сооружений: рыть окопы, делать противотанковые заграждения. Жителей Новоселиц во время войны не эвакуировали, и Лилия Алексеевна с семьей всю войну прожила дома. В 1943 году Новгород горел, горела нефтебаза, и поэтому многие были эвакуированы в Новоселицы и другие деревни.

В 1944 году был освобожден Новгород, и комсомольцев отправили на восстановление города. Вместе с Лилией Алексеевной было еще 40 человек из разных деревень. Получили задание

очищать драмтеатр, где немцы устроили конюшню. Задание выполнили за три дня. Комсомольцев кормили в воинской части на полевой кухне.

Следующее задание особенно запомнилось: комсомольцы очищали территорию Новгородского кремля. На месте нынешнего монумента Победы было много деревьев, опутанных петлями. При немцах там были виселицы. Вешали командиров, коммунистов, партизан и вообще всех, кто не угодил оккупантам. Когда комсомольцы пришли в кремль, первым делом пришлось снимать с виселицы пять человек, которых позже похоронили на кладбище в Белой горе.

Шарыпина Лилия Алексеевна

Потом группу присоединили к строительной бригаде, как подсобных рабочих. Уже тогда организовывались курсы, и многие освоили профессии каменщиков, маляров, штукатуров.

Через какое-то время семья Лилии Алексеевны переехала в Новгород. В городе строился полупроводниковый завод имени Ленинского комсомола, где она работала подсобным рабочим.

Жить в Новгороде в то время было практически негде, город был полностью разрушен. Лилию Алексеевну поселили в барак, который находился там, где сейчас стоит Политехнический институт.

Дмитрий Литягин
Орбит Оганесян
гр. 9061

Мы, внуки
и правнуки
ветеранов,
должны помнить
тот великий подвиг,
который совершили
наши деды

Орбит Оганесян

Знать и помнить

Участник Великой Отечественной войны Сергей Иванович Иванов родился в 1920 году в Демянском районе Новгородской области. В его биографии много такого, что делает ее достойной лучших страниц нашей великой истории.

Еще до войны С. И. Иванов закончил школу сержантов и 22 июня 1941 года встретил в строю действующей Красной Армии.

2-ым батальоном 36-го Краснознаменного полка 64-й стрелковой дивизии командовал знаменитый человек — И. Н. Прудников. Этому батальону посвятил свой первый фронтовой очерк, «У переправы», Аркадий Гайдар.

Дмитрий Литягин, Сергей Иванович Иванов

С осени 1940 года батальон занимался строительством укреплений на берегу Западного Буга. Это была новая граница страны после присоединения в 1939 году к СССР Западной Украины и Западной Белоруссии. Батальон располагался в г. Луцке на Украине. Казалось, в самой атмосфере тех дней сквозила тревога. Уже все понимали, что вот-вот начнется нечто страшное.

«21 июня, — вспоминал ветеран, — командование отправило нас в поход, в полном боекомплекте. Через каждые 5 км — привал. Вечером дошли до какой-то дубравы и там заночевали. Утром я проснулся от острой боли в боку. Это командир будил меня и никак не мог разбудить: «Иванов!!! Проснись же ты!!! Война!!!»

Я выскочил на опушку. Вижу — летят немецкие самолеты, бомбардировщики. Так для меня началась война.

Несмотря на пролетающие немецкие самолеты и строящиеся немцами переправы, стрелять по врагу нам разрешили только с 18.00 22 июня. Был приказ: «Первыми огонь не открывать».

Сергей Иванович с горечью признается:

«Да, мы были не готовы к началу войны. Против нас выступила лучшая в мире армия, оснащенная новейшим вооружением, и, главное, обстрелянная. Немцы шли в атаку, закатав рукава, а мои однополчане после первой пули, пролетевшей над головой, долго не могли оторваться от земли».

Сергей Иванович Иванов

Но сила духа, патриотизм сказались уже в первых сражениях. Младшим командирам, в том числе и Сергею Ивановичу, выдали всего по обойме патронов (у солдат же их не было вовсе, только тесаки) и поставили задачу: освободить соседнюю заставу. От крика «Ура!», с которым молодые бойцы бросились в лес, немцы разбежались, и первый бой прошел почти без потерь. Но уже во втором полегла половина батальона.

Дальше С. И. Иванова ждали новые испытания, в которых он по долгу службы и зову сердца принимал участие: битва под Сталинградом, сражение за Киев, форсирование Дуная.

«Судьба хранила деревенского сироту, — вспоминает ветеран. — Пройти войну без увечий было практически невозможно. Командуя отделением взводом, батальо-

Сергей Иванович Иванов

ном, надо было бежать впереди, поднимать в атаку остальных.

Как-то в бою одна из гранат упала прямо передо мной и разорвалась буквально в метре. Ноги посекло осколками, 7 вынули тогда врачи, а 8 «железяк» находятся в ногах по сей день. Но если бы взрыв произошел чуть дальше, в 2-3 метрах, то осколки прошили бы живот и грудь».

После лечения в госпитале Иванова направили на курсы младшего командного состава, и уже через полтора месяца молодой лейтенант опять прибыл на фронт. Командовал разведротой и минометным батальоном. Опять случилось ранение, и уже в 1944 году, под самый Новый год, он прибыл в Будапешт, в родную часть, которая освобождала Европу. Встречу, по словам ветерана, ему устроили незабываемую. Более того, командир вручил ему орден Александра Невского и произнес такие слова: «Не посылали его тебе, знали — вернешься». Так оно и случилось.

Орден Александра Невского был учрежден в самый тяжелый период ВОВ — летом 1942 года. За подвиги и заслуги в период войны им было награждено более 40 тысяч человек. Орден пользуется особым почетом и уважением среди фронтовиков. Сейчас в Великом Новгороде живут три кавалера ордена Александра Невского, один из них — Иванов Сергей Иванович.

На наш вопрос: «Так за что же вас наградили этим орденом?», фронтовик ответил коротко: «За Явско-Кишиневскую операцию». Затем, немного помолчав, вспомнил несколько запомнившихся эпизодов из того времени.

«Через меня прошли сотни военнопленных. Во время Явско-Кишиневской операции мы отсекли большую группировку немцев. Разведчики доложили, что каждую ночь немцы потихоньку уходят. Для маскировки они шли по полям, прячась в высокой кукурузе. Но надо было пересекать дороги. Командир полка дал мне «интернационал» (американский грузовик). С собой я брал нескольких разведчиков, обычно не больше восьми. Приехав на место, мы прятали машину, сами тоже прятались у дороги и караулили. Когда появлялись немцы, им кричали: «Хэндэ — хох». Некоторые сразу поднимали руки, сдавались, другие пытались отстреливаться или просто убегали. Пленных мы привозили в часть. Самое большое, помню, пленили 21-го человека».

И еще эпизод.

«Как-то мне дали сутки на составление разведкарты. Я взял четверых разведчиков, и ночью пошли провоцировать немцев. Хитро привлекали к себе внимание. Немцы открывали огонь, а я ставил отметку на карте. То же самое делали другие группы, но моя разведсхема, по мнению командира, для наступления оказалась лучшей».

Это был первый случай. А вот второй: «При наступлении мы прорвали первую линию обороны. Вечером командир с тремя бойцами отправились за «языком». Думаю, схожу-ка и я. Взял с собой четверых человек. Немецкую оборону прошли удачно, без всякого шума. Дошли до первого провода, режем его, лежим и ждем, когда придут проверять линию. Ждем полчаса — никого нет, еще полчаса — по-прежнему, никого. Пошли дальше, нашли второй провод, режем его — такая же картина. И вдруг видим — конный в седле. Мы сначала залегли на дорожке, затаились, подпустили ближе. Потом поймали, обшарили, нашли пакет. Командир — пакет за пазуху и пошел к нашим.

Мы остались и думаем, что так просто не уйдем, и решили навести немного «шухера». Прошли чуть подальше и слышим ругань. Это немцы с румынами какой-то мостик делят. И мы как ударили из всех стволов... Немцы в страхе — врассыпную. Мы еще немножко прошли и увидели противотанковую батарею. Ну, мы назад, к своим, и докладывать. Вот, может, и за это еще орден. А пакет оказался очень важный: от одного командующего армией к другому».

День Победы Сергей Иванович встретил в должности командира дивизиона в Австрийских Альпах.

Родина высоко оценила его ратный труд: орден Александра Невского, два ордена Отечественной войны 1-й степени, орден Отечественной войны 2-ой степени, два ордена Красной Звезды, многочисленные медали.

После войны фронтовик вернулся домой, на Новгородчину, где еще до войны закончил Старорусский педагогический техникум. Он и сейчас в строю, ведет активную и содержательную патриотическую работу.

Живых свидетелей тех страшных событий становится с каждым годом все меньше. И скоро их не останется совсем. Но память о них не должна уходить в прошлое. Она будет жить!

Мы, внуки и правнуки ветеранов, должны помнить тот великий подвиг, который совершили наши деды, знать, как это страшно, когда происходят великие войны, в которых гибнет огромное количество людей, понимать, что войны останавливают развитие человечества, что потом нужны годы и годы на восстановление.

Мы должны знать и помнить, какой ценой была завоевана наша сегодняшняя, пусть не очень счастливая, но мирная жизнь, быть патриотами своей Родины и, по примеру таких людей, как Сергей Иванович Иванов, быть смелыми, никогда не терять человеческого достоинства и чести.

Т. Сидоркина, А. Г. Любимова, М. Бабайцева

Татьяна Сидоркина
Мария Бабайцева
гр. 7061

Держались до конца

Бейся, сердце! Стучи, несмотря на усталость,
Слышишь: город клянется, что враг не пройдет!
...Сотый день догорал. Как потом оказалось,
Впереди оставалось еще восемьсот.

Юрий Воронов «Сотый день»

«1941 год. Я на даче. В Стрельно, под Ленинградом. Вдруг объявили войну. Тогда еще все плохо понимали, что случилось. Мы, дети, вовсю веселились — хватали палки, стучали ими по забору и кричали: «Внимание, внимание! На

нас идет Германия!», — так Агнесса Георгиевна Любимова (в девичестве Обрезкина) вспоминает начало войны.

Но вот немцы стали быстро приближаться по Балтийской железной дороге, и Обрезкины уехали в Ленинград. Там Нэта (ей было 13 лет) пошла в школу, а 7 сентября была первая бомбежка. Наверно, только увидев разрушенные снарядами дома, все поняли, что надвигается что-то страшное.

Потом стало плохо с едой. Обрезкины не сразу стали голодать. Мама тогда часто пекла пироги с визигой. Визига — это сухожилия красной рыбы, расположенные вдоль рыбьего хребта. Их мелко рубили, а потом варили, и из полученного продукта пекли пироги.

«В доме, — продолжает Агнесса Георгиевна, — была лошадь, она пала, или ее убили, но нам ее мясо не досталось. Зато достался овес, который мы смогли на что-то обменять. Кроме того, мой отец был столяром, поэтому у нас остались плитки столярного клея, внешне очень похожие на плитки шоколада. Мама замачивала их в воде, которая становилась черной. Воду сливали, а оставшийся желатин разводили горячей водой и ели. Потом варили и ели ремни, узкие такие, видимо для военных.

Жили мы на углу Невского и Маяковской, дом № 3. В нем раньше проживал Анатолий Федорович Кони, знаменитый юрист, о чем свидетельствует мемориальная доска. В нашем доме было бомбоубежище, и, как только звучала тревога, люди спускались вниз. Все было довольно-таки неплохо организовано. Для детей имелось отдельное помещение. Нас встречали, когда начиналась бомбежка, рассаживали, приносили воду».

Дети учились. В 1941-42 годах Нэта ходила в 207-ю школу, которая была в Куйбышевском (сейчас Центральном) районе. Какие были уроки, сейчас уже трудно вспомнить. Сидели при фитильке, учительница что-то рассказывала. Иногда привозили бидон с горячей едой — водичка не водичка, суп не суп. Дети говорили про него: «Крупинка за крупинкой бегает с дубинкой».

1941-42 годы — это темнота, голод, холод, очереди за хлебом и трупы. Стала обычной скоропостижная смерть прохожих на улице: люди шли куда-то по своим делам, падали и мгновенно умирали. Специальные похоронные службы, состоящие, в основном, из молодых девушек и женщин, ежедневно подбирали на улицах сотни трупов.

Люди от голода и холода настолько ослабели, что не сопротивлялись смерти. Умирали так, как будто засыпали. А окружающие полуживые люди не обращали на них никакого внимания. Смерть была на каждом шагу. К ней привыкли, появилось полное равнодушие: ведь не сегодня завтра такая участь ожидает каждого. Утром, выходя из дома, натыкались на трупы, лежащие в подворотне, на улице. Мужчины умирали гораздо быстрее, чем женщины.

В большинстве случаев семьи вымирали не сразу, а по одному, постепенно. Жили, когда кто-то мог еще ходить и приносить продукты по карточкам.

Улицы были занесены снегом, который не убирался всю зиму. Поэтому передвижение было затруднительно.

За хлебом ходила Нэта. Утром, когда еще было темно. Окна в подъезде были забиты фанерой. Однажды на лестнице она споткнулась, упала. Почувствовала что-то мягкое, теплое. Когда шла обратно, увидела что это был труп. Их просто выносили из квартир, так как не было сил нести дальше. Напротив дома была Куйбышевская больница, в которой выделили особое помещение, куда и свозили всех покойников. Кто мог, отвозил на саночках, а иногда их забирали санитары.

В конце зимы 1942 года, когда стало теплее, целый месяц на Пискаревское кладбище возили трупы. Они сидели, лежали на углах домов, прямо в одеялах с пододеяльниками...

«Мы выжили, наверное, еще и благодаря дисциплине, — рассказывает Агнесса Георгиевна, — в нашей семье было очень строгое правило. Нас было трое: мама, сестра и я. Получали три порции хлеба по 125 граммов. И вот

Агнесса Георгиевна Любимова

утром мы делили одну порцию на троих. Поджаривали хлеб на буржуйке, потому что «просто так» его есть было невозможно. До 50% хлеба составляли практически несъедобные примеси: солод, овес, шелуха, а позже — целлюлоза. Потом что хочешь делай, но обед — только в 2 часа дня. Как только часы пробьют два, берем другой кусочек и делим на троих. И опять мучительное ожидание, но уже — ужина».

Очень скоро не стало воды. Приходилось ходить на соседнюю улицу, где прорвало трубу, видимо, от мороза. Там была сделана небольшая ямка, из которой и набирали воду.

Что удивительно, бомбежки были в определенные часы. Смотришь — подходит время, загудела сирена, все бегут в убежище. Иногда идти уже не могли и оставались стоять между дверьми. Тогда они были двойные, и между ними было безопасно.

В 1943 году Нэту перевели в 32-ю железнодорожную школу. Стало немного повеселее. Леня — сын того человека, что открыл эту школу, играл на фортепиано. Все пели. А как пришла весна, стали влюбляться. Уже в 6-ом классе мальчики ухаживали за девочками, оказывали знаки внимания и делали маленькие подарки — открытки или ленты для волос.

Юра Мамонтов и Леня Юрченко ухаживали за Нэтой и Валей, ее подругой. Писали записки на немецком языке.

Как-то даже пригласили на праздник к Юре Мамонтову. Придя к нему в гости, Нэта была потрясена квартирой,

в которой жил Юра. Сама она жила в коммунальной квартире, где было пять комнат; у семьи Обрезкиных было всего 30 метров. Гостей посадили за большущий стол с дубовыми резными ножками и белоснежной скатертью. Леня играл на рояле: он хорошо играл, его даже приглашали выступать на радио. Потом Юра показал кабинет отца. В нем стоял большой письменный стол, все стены были завешаны коврами, а на них висели сабли и ружья. Тогда все узнали, что отец Юры дипломат.

Так незаметно закончился учебный год, и детям сказали, что 6-7-е классы мобилизуют во Всеволожский район сажать овощи. Нэта, как человек послушный, поехала, хотя многие отказались, кого-то не отпустили родители. Там было хорошо. Кругом лес. А еще там была кислица, «заячья капустка». И дети исползали все и съели всю эту «капустку». Потом пошла земляника, которой даже не давали созреть и съедали, едва она начинала краснеть.

Там же, во Всеволожском районе, были воздушные бои. И совсем недалеко упал самолет. Оказалось, что наш. Туда, правда, никого из детей не пустили.

Школьники копали, сажали, пололи и, конечно, пели. Так как у Нэты был хороший голос, она запевала. Там были женщины, которые варили еду из продуктов, полученных по карточкам. И эта еда казалась особенно вкусной. Может, потому, что женщины приносили что-то от себя, а, может, потому, что целыми днями дети были на свежем воздухе.

«Жили мы в каком-то Дворце культуры, — вспоминает Агнесса Георгиевна. — Мальчишки спали на эстраде, а мы рядышком в комнате. Нас было не так много — человек 20-25.

Однажды нам дали ведра и сказали, чтобы мы собрали смородину. Черную, по-моему. Мы зашли в сад, сели и начали есть. Когда за нами пришли, мы все лежали под кустами, потому что нам было уже не встать. Больше нас туда не пускали.

Татьяна Сидоркина и А. Г. Любимова

В 1943-44 годах мы уже учились в 220-й школе. Там уже нас разделили с мальчишками. Но они бегали к нам, сделались почтальонами и носили нам письма.

Мы с Леней ходили гулять от Московского вокзала и до Фонтанки. Держались за руки и все время прятались от своих, чтобы не увидели, а то стали бы дразниться. У Лени был мелок. Он все время писал мое имя на асфальте. Другие мы раньше были... Чувствительные... или неразумные — не знаю, как сказать».

Когда сняли блокаду, в честь праздника в столовой дали хороший, полноценный обед. Первое, второе и даже третье. Откуда-то пришла материальная помощь.

Приходилось много работать, так как было много раненых. Писали письма. И сами же относили их адресатам.

Многие разъехались. С Леней виделись последний раз в 1944-м. Так и расстались.

Несмотря на снятие блокады, еще долгое время было очень тяжело и голодно, хотя стали открываться магазины. Однажды Нэта зашла в такой магазин, но, увидев цены, тут же выбежала обратно, и больше там не появлялась.

В 1944-м году нескольким девчонкам дали медаль «За оборону Ленинграда», в том числе и Агнессе Георгиевне. На память о страшных годах войны у нее осталась лишь маленькая шкатулочка, подаренная в знак любви.

Жилье без света, печи без тепла,
Труды, лишенья, горести, утраты –
Все вынесла и все перенесла ты.
Душою Ленинграда ты была.

А. Ахматова

Победили не сытые фашисты, а измученные голодом, холодом и болезнями русские люди. Сила духа? Ненависть к врагу? Желание жить? Наверное, и то, и другое, и третье. Но главное — каждый старался держаться до конца, чего бы это ни стоило.

Наталья Баскакова

Небо? Самолеты? Ждут вас!

Вот уже неделю в Политехническом институте летают самолеты, можно посмотреть на землю из кабины самого современного бомбардировщика, вынырнуть из облаков на солнце. Правда происходит все это на экранах.

Студенты-заочники, они же офицеры авиационной группы войсковой части 40444, базирующейся в г. Сольцы Новгородской области, рассказывают своим коллегам по учебе, студентам дневного отделения и, возможно, будущим сослуживцам, как живется и служится в современной Российской армии.

Майор Александр Карпович, капитаны Сергей Мальков и Александр Холтобин, студенты-заочники специальности «Автомобили и автомобильное хозяйство», готовят к полетам тяжелые бомбардировщики. Кто-то отвечает за бортовые системы,

кто-то — за вооружение или за работу двигателя. Без их подписи самолет в небо не уйдет — ответственность большая.

От этой огромной птицы глаз не оторвать даже на мониторе, чувствуется такая сила — просто завораживает. Представить только: горючки залить — так целую цистерну, и поднять может более полусотни тонн! Изменив положение крыла, скорость может развивать в два раза больше скорости звука. Фантастическая техника.

Самолеты их полка вылетали в небо Афганистана, Чечни, Грузии. И все вернулись домой.

Сложная современная техника, по мнению кадровых офицеров Российской армии, требует глубоких технических знаний, серьезного психологического настроя, самодисциплины и хорошей физической подготовки. Армия ждет специалистов, которые создадут технику нового поколения и смогут ее обслуживать. Именно таких специалистов готовит Политехнический институт!

Дмитрий Литягин, гр. 9061

Безопасность страны в надежных руках

Родился я на Валдае. Вырос в военном городке, где провел все свое детство. Я часто задумывался над тем, куда каждое утро уходят мой папа и другие люди в военной форме и чем занимаются весь день.

Позже я понял, что мой отец — офицер Российской армии и что есть такая профессия — Родину защищать, а я живу при войсковой части.

На вооружении нашего полка — мощная и очень сложная техника, которая обслуживается высококвалифицированными специалистами. Сейчас мой папа — подполковник. Я очень уважаю его и стараюсь брать с него пример. Несмотря на то, что я выбрал гражданскую специальность, к службе в армии отношусь очень серьезно.

Некоторые молодые люди не понимают, для чего лично им нужна армия, и стараются всякими способами уклониться от призыва. А я считаю, что службы в Вооруженных Силах не нужно бояться. Благодаря ей, ты станешь настоящим мужчиной и научишься многому из того, чего раньше не знал и не умел.

Вся жизнь нашей семьи связана с армией, и я точно знаю, что безопасность нашей страны — в надежных руках.

Валентина Полозова
гр. 0081

Мы, новгородцы, так мало знаем о своем городе!

Новгородцам есть чем гордиться

Старший научный сотрудник Новгородского объединенного музея-заповедника Владимир Николаевич Варнаев провел беседы со студентами Политехнического института об истории Великого Новгорода.

Встреча с Варнаевым произвела на нас огромное впечатление. Он рассказывал о том, что все мы видели, слышали, но о чем всерьез не задумывались. К сожалению, мы, новгородцы, так мало знаем о своем городе!

Столько всего необычного — от героического до смешного — поведал нам Владимир Николаевич. Например, почему Новгород называется Великим? Оказывается, в средние века он был очень большим городом, намного больше европейских столиц.

Во всем мире сейчас найдено 1070 берестяных грамот и 1015 из них — в Великом Новгороде. Грамоты стали источниками наших знаний о жизни древних новгородцев и показали, какими просвещенными людьми они были.

Трудно даже перечислить все то, что мы услышали от Варнаева, и я очень рада, что познакомилась с таким интересным человеком. Спасибо ему за удивительный рассказ. Хотелось бы, чтобы такие мероприятия были почаще.

Евгения Белоусова
гр. 94113

Многие из нас живут в Новгороде с самого рождения, но не знают его героического прошлого

Мы все должны об этом помнить

С Владимиром Николаевичем Варнаевым мы познакомились недавно: на одной из экскурсий. Благодаря этому знакомству, мы многое узнали о Великой Отечественной войне и об истории нашего города.

Сам Владимир Николаевич участвовал в военных действиях в Афганистане и очень эмоционально об этом рассказывает. Война — очень тяжелое испытание, и можно лишь позавидовать той выдержке и тому спокойствию, с которыми он вспоминает о своем прошлом.

Приятно было встретить Варнаева в нашем институте. Он пришел рассказать студентам об истории Великого Новгорода. Многие из нас живут тут с самого рождения, но не знают некоторых фактов из его героического прошлого. Например, мы гордо называем Новгород Великим, но редко задумываемся, почему он именно так называется.

«Так уж получилось, — рассказывает Владимир Николаевич, — что жители любого древнего города всегда чуть-чуть небрежно к нему относятся. Наверное, потому, что все так привычно и хорошо знакомо».

Заходя в кремль, разве мы думаем каждый раз о том, что мы входим в самую древнюю крепость? Занятые другими делами, мы об этом факте, даже зная его, редко вспоминаем. Просто ходим туда погулять с друзьями. Нет чтобы, собравшись той же компанией, пойти всем вместе на экскурсию по городу! Разве не интересно узнать, какие события происходили в разное время на этой древней земле и о том, какие же мы, новгородцы, оказывается, уникальные?

«Во всем мире сейчас найдено 1070 берестяных грамот, — с гордостью рассказывает Варнаев, — из них новгородских — 1015. А если учесть, что из оставшихся 55 грамот, большинство найдено во Пскове, Старой Руссе, Торжке, то на весь мир остается лишь незначительная часть».

Удивительно, но первые в Европе мостовые появились в Великом Новгороде, а первые водопроводы проложены не в Лондоне и Париже, а опять-таки в нашем городе.

Даже оружие у новгородцев было необычное. Европейцы предпочитали меч, а любимым оружием наших предков был топор. В умелых руках он, небольшой и легкий, был очень эффективным оружием. Новгородцев при Ярославе Мудром дразнили плотниками — мол, если идут на войну, так с топорами.

Но все-таки самым главным оружием были лук и стрелы. Новгородский лук поражал цель на расстоянии до 900 метров; даже современная снайперская винтовка по некоторым параметрам имеет более плохие характеристики. Сила натяжения новгородского лука была до 100 кг: натянуть такой лук было бы трудно даже нынешним олимпийским чемпионам. Вот почему новгородцы побеждали. Потому что стреляли с большого расстояния! Из лука убивали командиров, воины рассеивались, а тут уже шли в бой топоры. Очень хорошая военная система.

Владимир Николаевич Варнаев

«Шведы не могли взять Новгород, — рассказывает Владимир Николаевич, — но нашелся предатель и открыл ворота города. Его имя — Ивашка Шваль. Шваль — это не ругательство, это профессия. Только после предательства это слово стало бранным. А по тем временам «шваль» — это портняжка, швея. Новгород пал из-за предательства и за 6,5 лет оккупации почти обезлюдел. Но потом шведы все-таки ушли, не смогли справиться с новгородским сопротивлением. Первые в истории партизаны появились именно под Новгородом в начале XVII века».

Знаменитый поэт Г. Р. Державин, проживший на Новгородчине вторую половину своей жизни, говорил: «Наконец-то, я нашел ту самую красоту, которую искал во всей России». И воспел новгородскую землю в своих последних поэмах.

Не сохранился памятник Новгородскому ополчению 1812 года. Зато на Бородинском поле стоит памятник 2-ой Новгородской кирасирской дивизии. Именно она спасла русскую армию от разгрома, когда был прорван фронт, смертельно ранен Багратион, захвачены врагом все русские укрепления и Наполеон уже приказал подавать шампанское, праздновать победу.

Новгородцы умели драться во все времена. Но, к сожалению, мы не умеем чтить память наших героев. До сих пор нет улицы, названной именем Теодора Андреевича Свиклина. Проведенные

им в годы Великой Отечественной войны операции были уникальными, и больше никем не повторялись. При освобождении Новгорода, вопреки всем правилам безопасности, он «пролетел» на максимальной скорости на танке по льду, доказав, что это более чем возможно, и, позволив тем самым, нашим войскам переправиться на другой берег.

Наверное, потому, что Свиклин был этническим немцем, хотя и давно обрусевшим, в годы войны его мало отмечали. Многие его подчиненные имели даже больше наград. Тем не менее, Свиклин был настоящим героем. В его операциях не погиб ни один советский солдат. Это единственный случай в мировой военной истории.

На момент освобождения от фашистов все население Новгорода составляло не более 15 человек. Абсолютно мертвый город. Новгород пострадал в годы ВОВ больше, чем Сталинград. И мы все должны об этом помнить.

В. Н. Емельянов
профессор кафедры
«Технология
машиностроения»

МЕЧТЫ

Мечтают много и разно:
О беличьей новой дохе,
О кукле, что купят на праздник,
О космосе, о тайге,

Мечтают пожить в Каире
(Кто их за это осудит?)
И о хорошей квартире
Тоже мечтают люди.

О солнце мечтают а́дово,
Когда дожди без конца.
А ребятня сорок пятого
Мечтала иметь отца.

Военный иль не военный,
Герой или не герой,
Пусть самый обыкновенный,
Был бы отец — живой.

Матвийчук Юлия, Кирсанова Алена
Плакат ко Дню Космонавтики «Первый полет человека в космос»

Составитель
Булгакова А. Ф.,
Председатель Совета по воспитательной работе
и молодежной политике
Политехнического института НовГУ

Политехнический институт НовГУ
выражает искреннюю признательность
Интернет-порталу be-in.ru
за помощь в оформлении книги

Вам, живым и павшим героям Великой Отечественной войны, посвящается этот сборник

Впечатавшись в память столетья,
Как будто в бессрочный запас,
Все чаще уходят в бессмертье,
Все меньше живут среди нас.

В.Виноградский (1984)